

K84(2=665.1)

Е63

ЛАДИМИР ЕНОВ

СКАЗЫ РОДА
ПРАВДИВЫХ
ЛЮДЕЙ

ВЛАДИМИР ЕНОВ

СКАЗЫ РОДА
ПРАВДИВЫХ
ЛЮДЕЙ

 ALTASPERA

- 0206013 -

Государственная
библиотека
Югры

КО

© 2014 – **Енов Владимир Егорович**

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Об авторе.

Енов Владимир Егорович родился в деревне Карвожи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области в многодетной семье рыбака-ханты. Работает корреспондентом окружной национальной газеты «Ханты ясанг» Ханты-Мансийского автономного округа, член Союза журналистов России, кандидат в члены Союза писателей России, соискатель учёной степени кандидата филологических наук.

Пишет на родном и русском языках. Основной темой его стихов является фольклор народа ханты, проживающего по берегам рек Большая и Малая Обь в Шурышкарском районе. Некоторые стихотворения В. Енова переложены на песни. Кроме этого, основываясь на народных сюжетах, он пишет сказки и литературно обрабатывает их на русском языке.

Первые стихотворения В. Енова в его подстрочном переводе напечатаны в сборнике «Поэзия хантов, манси и ненцев», вышедшем в издательстве «Пранат» (г. Москва) в 2006 году. На родном языке печатается в газетах «Ханты ясанг» ХМАО – Югра) и «Лух Авт» ЯНАО. Сказки, написанные им, публиковались в региональных журналах Югры, финно-угорских республиках России и в общероссийских изданиях.

О книге.

В книге представлены редкие сюжеты сказок народа ханты, литературно обработанные и переведённые автором на русский язык.

Оконце в хантыйскую жизнь

Сборник сказок «Сказы рода Правдивых людей» («Сказы рода Яна ёх»), составленный В.Е. Еновым, является сводом рассказов, написанных автором по мотивам хантыйского народного фольклора.

Владимир Енов является носителем устно-поэтического творчества своих предков. Он до семи лет не слышал русского слова, воспитывался на традиционных обрядах, обычаях, легендах, преданиях, сказках, песнях и приметах, с раннего детства впитал в себя язык и культуру своего народа.

Его книга «Сказы рода Правдивых людей», состоящая из 20-ти сказок, представляет собой оконце, в котором видна самобытная жизнь рыболовов и охотников-ханты, проживающих на живописных берегах Малой и Большой Оби. Каждое из этих произведений является миниатюрой, несущей в себе большой нравственный и эстетический заряд для подрастающего поколения.

По этому поводу В. Енов сказал: «До выезда за пределы своей малой родины я жил в том сказочном мире, где всё было просто и понятно. Меня окружали великаны-менквы, противоборствующие с людьми; лесные люди-мишьёх, приносящие удачу на рыбной ловле и охоте; добрые богатыри-урты, являвшиеся защитниками народа ханты во время всяческих жизненных невзгод. И над нами в небе проживал Нум Туром – Великий Небесный Отец, создавший жизнь в этом мире и пристально наблюдающий сверху за тем, чтобы все на земле жили честно и справедливо. Но стоило только оторваться от того места, где я родился, рос и воспитывался, – мне с огромным трудом пришлось привыкать к чужой среде, в которой совершенно отсутствовало то мироощущение, какое прививали нам с самых малых лет. Поэтому пусть эти сказочные сюжеты, хранившиеся в моей памяти в течение долгих тридцати с лишним лет, сегодня станут доступны всем русскоязычным читателям. Возможно, что, познакомившись с ними, люди

станут добрее и душевнее, как герои этих небольших произведений, которые относятся к сказкам моего рода **Яна ёх (Правдивых людей)**».

Автор целенаправленно знакомит своего читателя не только с понятиями добра и зла, но и со специфическими реалиями хантыйской жизни.

В этих небольших рассказах с любовью описываются предметы рыболовства, охоты, бытовой и хозяйственной утвари. В сказках о жизни рыб в подводном мире высмеиваются человеческие пороки, такие как: хитрость, хвастовство, приспособленчество и трусость. Яркими персонажами произведений В. Енова являются полузабытые ныне *менквы* (бесхитростные великаны пятиметрового роста), *мишьёх* (лесные люди-доброжелатели), *йингк кули* (громадные водяные), *моми* (людоеды), *тон-тоны* (людоеды-оборотни, принимающие человеческий облик), *лон верты ими* (колдунья, изготавливающая нитки из оленьих или лосиных сухожилий) и *урты* (добрые богатыри и защитники народа). Они не только воспитывают человека в духе добра, но и образуют его: дают полное представление о своеобразии хантыйского миропонимания.

Сказки В.Е. Енова, одного из носителей народного фольклора, написанные динамичным и лаконичным языком, привлекают внимание читателя непривычным двойным сюжетом и экзотическими реалиями, подробные комментарии к которым имеются в конце книги в словаре.

Сборник «Сказы рода Правдивых людей» вызовет неподдельный интерес не только у читателей-учащихся, но и у их родителей, и у каждого, кто интересуется историей и духовной культурой коренных народов Югры и Ямала.

*Доктор филологических наук,
профессор кафедры финно-угроведения
Югорского государственного университета
Евгений Игушев*

ПРОЛОГ

РАССАЗЫ ЖИТЕЛЯ МАШПАНЫ

*Памяти моего деда
Тимофея Ивановича Енова*

– Какую-то новость, видать, разузнал,
Наверно, спешишь поделиться со мною? –
Так старый мой дед каждый раз вопрошал,
Смеялся хитро и качал головою,
Когда приходил я к нему поутру,
Здоровался и улыбался ответно
Да ближе садился в уютном углу.
Минуты в том доме текли незаметно.

На нарах тесовых, на краешке самом
Вдвоём мы сидели, вели разговор
О веке вчерашнем, о времени старом, –
Дед многое помнил из тех давних пор.
Довольно длинны были деда рассказы,
А речь интересна, жива и мудра.
Как будто не быль, а волшебные сказы
Я слушать готов был всю ночь до утра!

Ах, дед! Ведь не зря совершенно седа
Твоя голова – ты видал в жизни много.
Событий мгновенья сложились в года,
В них вдоволь как доброго, так и дурного.
Ты даже о нравах имперских времён
Легко говорил, не спеша и толково,
А я все истории – так увлечён! –
Как губка, вбирал до последнего слова.

Уже четверть века с тех пор промелькнула,
Ручьёв, снегопадов, листвы череда.
Но памяти свечи судьба не задула,
Я помню те давние детства года:
Немного чадит на столе керосинка,
Степенный старик на кровати сидит...
Почти наяву оживает картинка,
И дедушкин голос сквозь время летит!

Хочу записать, чтобы знал мой народ
Рассказы его – из Машпан старожила.
Корнями могуч человеческий род,
И в памяти нашей великая сила!

*Авторизованный перевод с хантыйского
Павла Черкашина*

Ай Ас ики и его дочь Айнэ

Немало воды утекло с той давней поры, когда на живописном берегу реки Малой Оби в светлой берёзовой роще находилась деревня Йисгорт. Её основателем был Ай Ас ики, проживавший там вместе с женой и дочерью. Супруги жили дружно и души не чаяли друг в друге.

И дальше продолжалась бы их тихая семейная жизнь, но внезапно случилось несчастье: тяжело заболев, умерла в одночасье его любимая жена. Погоревали-погоревали дочь с отцом.

Взял Ай Ас ики заплечные нарты, уложил на них покойную и повёз на кладбищенский остров.

Поздним вечером, возвращаясь с похорон жены, он тянул за собой лишь одни пустые нарты и только начал подходить к своему дому, как собака Лыско, заметив хозяина, громко залаяла: «Вов-вов, вов-вов!»

Ай Ас ики прикрикнул: «На место, Лыско!»

Но собака, не обращая никакого внимания на его окрик, стала лаять ещё сильнее и человеческим языком проговорила: «Гляньте-ка, мой хозяин идет, без любимой хозяйки домой возвращается и лишь одни пустые нарты за собой тянет! Вов-вов! Остались мы, бедные, сиротами!»

Похоронив жену, Ай Ас ики и его дочь стали жить одни. Он, как и прежде, ловил рыбу и охотился, а Айнэ со всеми домашними делами управлялась, рукодельничала, за собакой ухаживала.

Затосковал-загрустил Ай Ас ики, потеряв любимую супругу, и надумал подыскать себе новую спутницу жизни.

Как-то в одной из поездок в соседнюю деревню он сосватал женщину, имевшую двух дочерей. Посадил Ай Ас ики свою новую семью в лодку и повёз к себе домой.

Долго ли, коротко ли они ехали и только к вечеру добрались до Йисгорта.

Не успела его колданка пристать к берегу, как собака Лыско вскочила со своего места, увидев их, громко залаяла и человеческим языком проговорила: «Вов-вов, вов-вов!»

Гляньте-ка, мой хозяин вернулся, новую жену – злую жену и двух её дочерей-лентяек привёз! Вов-вов, вов-вов! Не видать нам, сиротам, светлых дней!»

Начал жить Ай Ас ики с новой женой и тремя дочерьми.

Чтобы кормить и одевать такую большую семью, ему приходилось целыми днями пропадать на реке в поисках богатого улова рыбы или надолго уходить в тайгу и охотиться.

Всё это время его любимая дочь оставалась дома вместе с мачехой и сводными сёстрами. Если раньше Айнэ выполняла всю работу по дому только за себя, то сейчас ей приходилось трудиться и за обеих ленивых сестёр. Они оказались постарше дочери Ай Ас ики, но несмотря на это все ещё играли в куклы или попросту бездельничали.

А мачеха сразу же невзлюбила Айнэ: лишь только она справится с одним делом, как та ей другое задаёт. Далеко за полночь девушка спать укладывалась, а чуть забрезжит рассвет – вновь за работу принималась.

Не раз видел Ай Ас ики, что его новая жена ни минуты покоя не даёт Айнэ и сделал ей замечание: «Кай! Не совестно тебе сиротой помыкать, ведь Туром всё видит и рано или поздно за всё отвечать придётся!»

Но не послушалась женщина слов своего мужа и с ещё большим злом стала относиться к своей падчерице.

Не успеет её отец переступить порог дома и уйти на промысел, а мачеха со своими дочерьми тут как тут с трёх сторон на сироту накидываются: то она эту работу плохо сделала, то другую недоделала, не так взглянула или грубо ответила. Много издевательств вытерпела бедная девушка, очень устала от нескончаемых домашних дел, но деваться ей было некуда.

Как-то, оставшись наедине с отцом, Айнэ попросила его: «Построй мне позади нашей деревни отдельный домик, лучше одна буду в нём жить!»

Подумал-подумал Ай Ас ики над просьбой своей дочери и срубил ей небольшую избушку.

К этому времени уже первый снег выпал: начиналась зима.

Не спеша стал отец собирать Айнэ в дорогу: взял заплечные нарты, положил на них старенький треснутый котелок, деревянный черпачок

с обломанными краями, махонький узелочек соли и истёртые кремни для огня.

Проводил Ай Ас ики свою любимую дочь к срубленной им новой избушке и с тяжёлым сердцем отправился к себе домой.

С этих пор стала девушка жить одна-одинёшенька. С раннего утра в лес на охоту выходила: ставила слопцы на куропаток, на заячьих тропах – петли на зайцев. Через день-другой проверяла их и с кое-какой добычей спешила в свою избушку.

Долго ли, коротко ли так жила-поживала Айнэ.

В один из дней она вернулась с охоты поздним вечером. Не успев ещё растопить чувала, девушка услышала, как на улице возле её жилья закрипел снег и послышались чьи-то тяжёлые шаги. Потом кто-то громоздкий обошёл избушку кругом и, ударив по одной из сосновых стен, громким голосом спросил:

– Хэй! Кто тут живёт-может?

Заходили ходуном стены рубленой избы, застонала-затряслась крыша над головой бедной девушки. Холодные мурашки пробежали по её тонкому девичьему телу и не на шутку перепугалась Айнэ.

Кое-как пересилив чувство нахлынувшего на неё страха, девушка ответила:

– Это я, Айнэ-сирота, здесь проживаю.

– Ну что, внучка, поедим-попьем, а что у тебя из еды и посуды есть?

Услышав этот вопрос, Айнэ поняла, что к ней в гости наведалься мом ики.

И она, недолго думая, ответила ему:

– Рада бы тебя, дядюшка, накормить-напоить, но у меня лишь один старенький треснутый котелок, в котором ничего не сваришь!

А мом ики не унимается и дальше девушку расспрашивает:

– А что ты ещё в своём доме имеешь?

– Есть у меня ещё сломанный деревянный черпачок, махонький узелочек соли да истёртые кремни для огня.

– Да, – подумал про себя мом ики, – у этой ничем не разживёшься, и сама она, наверное, очень худенькая! Пускай себе дальше живёт, – решил лесной житель и, тяжело ступая, пошёл прочь.

После этой случайной встречи с мом ики Айнэ ни в чём не стала испытывать нужды. Пойдёт ли ловить рыбу – полные заплечные нарты хантыйской рыбы домой везёт. Сходит ли на охоту – в три ряда свой охотничий пояс соболями обвешает.

Проведал как-то Ай Ас ики свою дочь и порадовался тому, как хорошо она стала жить.

Айнэ тут же усадила его за богато накрытый стол, накормила-напоила. Погостив у неё, собрался Ай Ас ики в обратный путь.

Вышла любимая дочь проводить отца и половину его заплечных нарт нагрузила мороженой рыбой, а другую половину – мясом дикого оленя.

Вот идёт Ай Ас ики и еле-еле везёт гружёные нарты.

Только начал он подходить к своему дому, как собака Лыско, заметив хозяина, громко залаяла и человеческим языком проговорила: «Вов-вов, вов-вов! Гляньте-ка, мой хозяин идёт, от своей дочери возвращается, полные нарты с рыбой и мясом еле-еле домой везёт!»

Услышала об этом злая жена Ай Ас ики, выскочила на улицу, схватила палку и, поколотив собаку, приказала ей: «Не так, не так лаешь, Лыско!»

А лай вот так: мой хозяин идёт, своей дочери череп и кости домой везёт!»

Но собака, не обращая никакого внимания на поучения хозяйки, стала лаять ещё сильнее и радостным голосом возвестила: «Вов-вов, вов-вов! Мой хозяин идёт, полные нарты с рыбой и мясом домой везёт!»

Узнав о том, что сирота Айнэ стала хорошо жить, мачеха долго не могла найти себе покоя. С утра до вечера она ворчала на мужа и просила его, чтобы он и для её старшей дочери построил такую же отдельную избушку.

В глубине своей чёрной души мачеха надеялась, что и

её дочь заживёт не хуже сироты.

Устав от постоянного ворчания жены, собрался Ай Ас ики и срубил за деревней небольшой домик.

Только после этого мачеха успокоилась и сама начала собирать свою дочь в дорогу. На заплечные нарты мужа она положила два новых котелка, два черпака, чайник, несколько ложек, пару новых кремней для огня, мешочек с солью и разную еду.

Впрягся отчим в тяжело гружённые нарты и проводил падчерицу до самой избушки.

Долго ли, коротко ли проживала старшая дочь мачехи одна.

Как-то поздним вечером она сварила себе солomat и, накрывая на стол, услышала, как на улице возле её жилья под чьими-то тяжёлыми шагами закрипел снег. Потом кто-то подошёл к двери и громким голосом спросил:

– Хэй, кто тут живёт-может?

Девушка, ничуть не испугавшись, ответила:

– Это я, падчерица Ай Ас ики, здесь живу!

– Есть ли у тебя, внучка, что-нибудь из еды?

– Еды у меня всегда хватает!

– А имеешь ли ты какую-либо посуду?

– Как же, – крикнула девушка и, хвастаясь своим добром, начала перечислять, – целых два котелка, два черпака, несколько ложек, чайник, две пары кремней для огня и даже мешочек с солью!

Не понравились позднему гостю её вызывающе хвастливые ответы. Рассердился мом ики, ударом мощного кулака выбил крепкие сосновые двери, ворвался в избушку, убил девушку и съел.

Громко чавкая, он обглодал и обсосал все её косточки: сюда брошенную кость – сюда бросил, туда кинутую кость – туда кинул.

Напоследок мом ики схватил череп своей жертвы, воткнул его посреди дороги и убрался восвояси.

Много ли, мало ли времени прошло, решил Ай Ас ики навестить свою падчерицу.

Дойдя до знакомой избушки, он увидел посреди дороги лишь её череп, воткнутый в снег, а чуть подалее –

раскиданные кости.

Жутко стало Ай Ас ики, но делать нечего.

Собрал он все кости падчерицы и, сложив их на свои заплечные нарты, тронулся в обратный путь.

Только начал Ай Ас ики подходить к своему дому, как собака Лыско, заметив хозяина, громко залаяла и человеческим языком проговорила: «Вов-вов, вов-вов! Гляньте-ка, мой хозяин идёт, своей падчерицы череп и кости домой везёт!»

Услышала об этом мачеха, выскочила на улицу, схватила палку и, поколотив собаку, приказала ей: «Не так, не так лаешь, Лыско! А лай вот так: мой хозяин идёт, от старшей дочери возвращается, полные нарты с рыбой и мясом домой везёт!»

Но собака, не обращая никакого внимания на поучения хозяйки, продолжала говорить: «Во-во-вов, во-во-вов! Гляньте-ка, мой хозяин идёт, своей падчерицы череп и кости домой везёт!»

Подбежала мачеха к нартам и, увидав обглоданные косточки своей старшей дочери, горько-горько расплакалась.

Погоревали они всей семьей над её останками, отвезли их на кладбище и захоронили.

Однажды Ай Ас ики долгое время находился в тайге на беличьем промысле. Вместе с хозяином была и собака Лыско, благодаря которой его охотничья добыча заметно пополнилась. С тяжело нагруженными нартами возвращались они в свою деревню.

Подходя к дому и почуяв что-то неладное, собака резко остановилась, громко залаяла и человеческим языком проговорила: «Вов-вов, вов-вов! Куда же делся наш дом? Я вижу лишь одни раскиданные бревна от нашего жилья да разбросанные кости моей хозяйки и её младшей дочери, а их несчастные черепа стоят воткнутыми в снег прямо посреди дороги!»

Подошёл Ай Ас ики поближе и ужаснулся тому, что сотворил мом ики

с его семьёй и жильём.

Походил он среди развалин дома, собрал кости своей жены и падчерицы, погоревал по ним и захоронил их.

После этого Ай Ас ики взял собаку и вместе с ней отправился жить

к любимой дочери Айнэ.

Она очень обрадовалась приходу отца и познакомила его со своим мужем Мишху, с которым повстречалась во время охоты на диких оленей.

И стали они вместе жить-поживать, нужды и беды никакой не зная.

Бедняк и два богача

Давным-давно в одной малообской деревеньке жил-был бедный юноша.

За какую бы работу он ни брался – любое дело доводил до конца, а нужда всё равно его не оставляла.

Съездит ли бедняк на рыбную ловлю – только на раз сварить рыбы поймает. Сходит ли на охоту в лес – только на раз сварить дичи добудет. Поэтому добытой им еды кое-как хватало на два дня.

Уже на третий день трудолюбивому юноше снова приходилось собираться на рыбную ловлю или выходить на охоту.

Долго ли, коротко ли он так жил-поживал.

Однажды поздним зимним вечером бедняк прилёг отдохнуть на нары и задумался над своей нелёгкой жизнью. Юноша и сам не заметил того, как все мысли, одолевавшие его, проговорил вслух:

– По какой же причине я живу в постоянной нужде? Если бы сидел сложа руки, то такое нищенское существование, конечно, вполне бы устраивало меня. Но приходится очень много трудиться, чтобы только день или два не сидеть без пищи. Что это за жизнь, когда работаешь, а толку от своих трудов не видишь? Неужели я такой неудачник?

Вслед за такими невесёлыми мыслями к нему внезапно подобрался сон, и он крепко заснул.

С рассветом вновь наступившего дня его разбудил какой-то шум, доносившийся с соседнего двора. Бедняк встал и вышел из дому посмотреть, что же происходит там на улице.

Оказалось, что ещё затемно его богатые соседи собирались выезжать на кладбище. Было хорошо слышно, как они деревянными колотушками отбивали от полозьев конных нарт намёрзший лёд со снегом и запрягали выездных коней.

«Наверное, соседи сегодня молодого жеребёнка в жертву своему умершему родственнику принесут», – подумал про себя юноша.

Но в это самое время богачи о чём-то громко заспорили между собой, и он отчётливо расслышал, как младший из них обратился к старшему:

– Слушай, брат, может быть, своего соседа-бедняка тоже с собой на поминки возьмём?

– Да ну, его, братишка, – отвечал ему тот, – от него нам никакого толку не будет, никуда не годный человечиска!

После этого разговора до его слуха донеслось, как богачи уселись на нарты, громко гикнули, и хорошо отдохнувшие кони рванули с места крупной рысью.

Как только братья уехали, бедняк тоже надумал сходить на поминки. Он не спеша собрался и пошёл на кладбище.

Придя туда, юноша остановился подальше от своих соседей и посмотрел на место жертвоприношений: богачи уже успели забить жеребёнка, разделать его тушу и сварить мясо. Потом он увидел, как те совершили обряд приношения Хынь ики, а уже затем – душе своего недавно умершего родственника.

Чуть позже богатые соседи принялись справлять поминки по ушедшему.

Понаблюдав за ними, бедняк тоже выставил на краю дороги своё скромное угощение, состоявшее из нескольких кусочков отваренной дичи. Поминая усопших, он слышал громкие разговоры и смех богачей, которые напоследок затянули шуточные песни и вскоре притихли.

Совсем незаметно наступил вечер, и юноша стал подыскивать подходящее место для ночлега. Проходя по кладбищу, он увидел обоих братьев, которые как сидели возле кострища, так и заснули.

Побродив ещё немного, бедняк подошёл к могилам родственников и произнёс вслух:

– Я, пожалуй, вот тут среди своих покойников и лягу спать. Думаю, что вряд ли они меня схватят!

С этими словами он улёгся возле могил и, поворочавшись с боку на бок, крепко заснул.

На следующее утро юноша проснулся и подумал:

– Уехали домой мои богатые соседи или всё ещё спят? Хотя они меня и презирают, а я всё же схожу и проведаю их.

С такими мыслями бедняк встал и пошёл к тому месту, где ещё вчера богачи устраивали свои шумные поминки.

Подойдя поближе, он увидел страшную картину: по обе стороны кострища лежали мёртвые братья, а из их вспоротых животов были вытянуты кишки и старательно намотаны на самые концы тагана.

Юноша сразу догадался, что так жестоко их мог наказать только дух нижнего мира Хынь ики. К тому же его соседи хорошо знали, что на кладбище нельзя шуметь, веселиться и спать возле костра на священном месте.

Не зря старые ханты говорят: «Туром все дела человека видит: за добро – приветит, а за зло – злом ответит».

А бедного юношу за его скромность и почтительность Бог тоже не оставил без своего внимания.

С тех пор на любом промысле ему выпадала удача.

Он и сейчас среди нас с вами живёт-поживает, нужды и беды никакой не знает.

Два мальчика с пальчик

Живут-поживают два мальчика ростом с пальчик.

Живут они в каменном доме, не имеющем ни окон, ни дверей. Только день приоткроет свои глаза, братья тут же на ноги встают и в поисках двери по дому похаживают.

Долго ли, коротко ли они так похаживали, как вдруг на одной из стен увидели махонькую дырочку, через которую пробивался еле видимый человеческому глазу дневной свет. Один из них подошёл к ней, легонько поддел её кончиком своего ногтя, и дверь отворилась сама собой.

Лишь двери дома нашлись и открылись, два мальчика ростом с пальчик на улицу вышли и, осматривая окрестности, в один голос с восхищением произнесли: «Кай! Какая дивная травой-муравой поросшая соровая земля, какая чудесная белыми берёзами поросшая речная сторона!»

Радуются братья невиданной красоте того места, где родились и выросли, сюда прохаживаются – туда прохаживаются.

Вдруг их внимание привлекли какие-то неясные звуки, доносившиеся со стороны реки Малой Оби. Прислушавшись, они отчётливо различили шум едущих лодок, всплеск воды и скрип вёсел.

Вскоре показалось три колданки, которые, подъехав ближе, пристали к берегу. Из них вышли три менква и, разминая затёкшие от долгой езды ноги, стали прохаживаться по земле.

Они подошли к каменному дому и, увидев братьев, обратились к ним:

– Ну что, – говорят, – два мальчика ростом с пальчик, назовите нам цену своей сестры, скажите нам, сколько же стоит она?

– Мы, – отвечают они, – два мальчика ростом с пальчик всего, сестры никакой не имеем. Мы, два мальчика ростом с пальчик всего, с самого раннего детства совсем одни проживаем. Что мы ещё вам сможем сказать, что мы ещё вам сможем ответить?

Менквы меж собой посовещались, дальше ехать вдруг засобирались и сказали братьям напоследок: «Зря цену своей сестры вы не назвали! Зря цену своей сестры от нас укрыли! Со временем, когда лесные звери и животные на ноги свои резвые поднимутся, приедем мы вас снова навестить. Тогда, когда ваши хантыйских мужчин упрямые головы будут взывать к самому Турому, вашу сестру любимую, если летом на лодке приедем – за корму лодки её же длинной косою привяжем, если зимою на нартах приедем – сзади нарт её же длинной косою привяжем!»

С этими словами менквы сели в лодки, оттолкнулись и поплыли дальше.

Много ли, мало ли времени прошло.

Два мальчика ростом с пальчик также живут-поживают, красотой своей земли любят, туда-сюда по ней прохаживаются да в речную сторону прислушиваются.

Вдруг их внимание снова привлёк шум едущих лодок, всплеск воды и скрип вёсел.

Вскоре показалось три колданки, которые, подъехав ближе, пристали к берегу. Из них вышли три менква, чуть побольше первых, и, разминая затёкшие от долгой езды ноги, стали прохаживаться по земле.

Они подошли к каменному дому и, увидев братьев, обратились к ним:

– Ну что, – говорят, – два мальчика ростом с пальчик, назовите нам цену своей сестры, скажите нам, сколько же стоит она?

– Мы, – отвечают они, – два мальчика ростом с пальчик всего, сестры никакой не имеем. Мы, два мальчика ростом с пальчик всего, с самого раннего детства совсем одни проживаем. Что мы ещё вам сможем сказать, что мы ещё вам сможем ответить?

Вторые менквы тоже меж собой посовещались, дальше ехать вдруг засобирались и сказали братьям напоследок: «Зря цену своей сестры вы не назвали! Зря цену своей сестры от нас укрыли! Со временем, когда лесные звери и животные на ноги свои резвые поднимутся, приедем мы вас снова навестить. Тогда, когда ваши хантыйских мужчин упрямые головы будут взывать к самому Турому,

- 0206013 -

Государственная
библиотека
Югры

17 КО

вашу сестру любимую, если летом на лодке приедем – за корму лодки её же длинной косою привяжем, если зимою на нартах приедем – сзади нарт её же длинной косою привяжем!»

С этими словами менквы, что были чуть побольше первых, сели в лодки, оттолкнулись и поплыли дальше.

Много ли, мало ли времени прошло.

Два мальчика ростом с пальчик также живут-поживают, красотой своей земли любуются, туда-сюда по ней прохаживаются да в речную сторону прислушиваются.

Вдруг их внимание в третий раз привлёк шум едущих лодок, всплеск воды и скрип вёсел.

Вскоре показалось три колданки, которые, подъехав ближе, пристали к берегу. Из них вышли три могучих менква, одетых в блестящие стальные доспехи, и, разминая затёкшие от долгой езды ноги, стали прохаживаться по земле.

Они подошли к каменному дому и, увидев братьев, обратились к ним:

– Ну что, – говорят, – два мальчика ростом с пальчик, назовите нам цену своей сестры, скажите нам, сколько же стоит она?

– Мы, – отвечают они, – два мальчика ростом с пальчик всего, сестры никакой не имеем. Мы, два мальчика ростом с пальчик всего, с самого раннего детства совсем одни проживаем. Что мы ещё вам сможем сказать, что мы ещё вам сможем ответить?

Третьи могучие менквы в блестящих стальных доспехах также меж собой посовещались, дальше ехать вдруг засобирались и сказали братьям напоследок: «Зря, ох, зря цену своей сестры вы не назвали! Зря, ох, зря цену своей сестры от нас укрыли! Со временем, когда лесные звери и животные на ноги свои резвые поднимутся, приедем мы вас снова навестить. Тогда, когда ваши хантыйских мужчин упрямые головы будут взывать к самому Турому, вашу сестру любимую, если летом на лодке приедем – за корму лодки её же длинной косою привяжем, если зимою на нартах приедем – сзади нарт её же длинной косою привяжем!»

С этими словами в последний раз приезжавшие самые могучие менквы в блестящих стальных доспехах сели в лодки и поплыли дальше.

Много ли, мало ли времени прошло.

Однажды поздним вечером в дом к братьям зашла девушка, принесла с собой две пары кольчуг и оружие. Это будто бы была их родная старшая сестра, о которой они совсем ничего не знали.

На каждого брата она надела кольчугу. Как только два мальчика ростом с пальчик были облачены в защитную броню, сестра, повернувшись к старшему из них, сказала: «Живите дальше! И, если за луки и стрелы возьмётесь и в битве кровавой совсем изнеможете, то младшего брата ко мне отправь. Пусть он за каменный дом наш зайдёт, там узкую тропку увидит. По ней вперёд побежит и к одноногому лабазу выйдет. Концом своего лука и стрелы наконечником по ножке его ударив, скажет: „Сестра, сестра, нам помоги, концы наших луков и стрел удлини!”»

С этими словами девушка вышла из дому и удалилась.

Много ли, мало ли времени прошло.

Однажды осенней порою первые менквы приехали. Два мальчика ростом с пальчик взяли за луки и стрелы, вступили с ними в битву. С утра до полудня бились, повергли трёх менквов на землю.

Следом за ними вскоре вторые менквы подъехали. Два мальчика ростом с пальчик снова на битву вышли. С утра до вечера бились, и этих троих побили.

Братья лишь ночь отдохнули, а утром уж третьи менквы в блестящих стальных доспехах с лодок на землю ступили. Два мальчика ростом с пальчик на битву последнюю вышли.

Долго ли, коротко ли бились, двух менквов могучих свалили, а третий, словно заговорённый: стрела его не берёт и сабля не достаёт!

Тогда старший крикнул младшему: «Скорее к сестре беги и помощи попроси!»

Младший из этих мальчиков за каменный дом зашёл, там узкую тропку увидел. По ней вперёд побежал и к

одноногому лабазу вышел. Концом своего лука и стрелы наконечником по ножке его ударив, он громко попросил: «Сестра, сестра, нам помоги, концы наших луков и стрел удлини!»

С этими словами мальчик повернулся и по той же тропке тронулся обратно.

А брат в это самое время при помощи чар сестры последнего менква могучего на землю сырую свалил.

Так два мальчика ростом с пальчик своих врагов победили и снова, как прежде, зажили.

После той битвы кровавой в тихую лунную ночь девушка быстро зашла к ним домой.

Она сняла с братьев кольчуги. За то время, пока талая рыба замораживается, а мороженая оттаивает, два мальчика ростом с пальчик умирали и воскресали, заболели и выздоравливали.

Сестра их обоих выкупала, все раны перевязала, переодела в чистые одежды и перед уходом сказала: «Братья, живите дальше! Больше никто, никогда не придёт к вам с войною, наши Най-Урты вас будут хранить!»

С этими словами она вышла из дому и исчезла.

А два мальчика ростом с пальчик и поныне живут-поживают, красотой своей земли любят, туда-сюда по ней прохаживаются да в речную сторону прислушиваются.

Как нельма стала сватьей налима

С давних пор обские ханты считают налима местным подводным жителем и домовитым хозяином. Кроме того, он – заботливый отец, вырастивший и воспитавший двух дочерей-красавиц.

Но с другой стороны, налимом угрюмый и очень хитрый, поэтому среди других рыб его никогда не увидишь и не услышишь.

И никто из речных обитателей не смог бы найти с ним общего языка, если бы этому не помог один случай.

Как-то в весеннюю пору, лишь только реки очистились ото льда, многочисленные рыбные стаи возвратились домой со стороны студёного моря. Вместе с ними на Малую Обь вернулись два брата: старший из них – осётр, а младший – стерлядь.

В один погожий солнечный денёк, прогуливаясь по родным водным просторам, они случайно повстречали дочерей налима. Обе сестры так приглянулись им, что братья, нисколько не раздумывая, решили жениться на них.

Для этого осётр и стерлядь выбрали своей сватьей нельму, имеющую большую пасть и длинную узкую морду. «Эта кого хочешь уговорит», – подумали они про себя, и все втроем отправились свататься.

Долго ли, коротко ли оба жениха и их сватья-нельма добирались до жилья налима, наконец-то подошли к его дому.

Сам хозяин в это время сидел на крыльце и, стараясь изо всех сил, при помощи своей огромной пасти и сильного хвоста ловко плёл из ивовых прутьев гимгу для ловли мальков. Не обращая никакого внимания на прибывших гостей, он спокойно продолжал свою работу.

Тогда нельма подплыла ближе и завела с ним разговор:

– Здорово, сват-налим, никак снова на рыбалку собираешься?

– Ты же, нельма, прекрасно видишь, что я мастерю новую гимгу, – не поднимая своей головы, отвечал он, – а тебе бы только бездельничать, другим рыбам мешать по хозяйству управляться да всякую болтовню разводиться!

– Обижаешь, сват-налим, я как раз пришла к тебе по очень важному и серьёзному делу.

– Ну тогда говори, что это вдруг ни с того ни с сего тебя ко мне привело? И запомни, что ты мне никакая не сватья!

– Ты, сват, голову-то подними да посмотри, – попросила налима упрямая нельма, – каких богатырей в блестящих доспехах я тебе привела. Скажи мне, – с гордостью промолвила она, указывая своим правым передним плавником на осетра и стерлядь, – чем они не

женихи для твоих дочерей-красавиц и тебе опора на старости лет!

– Я отвечу так, – немного подумав, проговорил налим, – если они понравятся невестам, то, пожалуй, соглашусь с их решением.

С этими словами он вывел своих дочерей из дому.

По душе обеим сёстрам пришлись женихи, и они дали согласие выйти за них замуж.

Старшая дочь стала женой осетра, а младшая – стерляди. И стали они рядом со своим старым отцом и тестем жить-поживать и горя не знать.

Уж как не хотелось налиму стать сватом нельмы, а всё же пришлось. Да он и не жалеет об этом случае, живёт себе припеваючи и в ус не дует.

С тех самых пор и по настоящее время ханты, проживающие как на Малой, так и на Большой Оби, стали называть нельму длинномордой-узкомордой сватьей налима.

Как осётр стал обычной рыбой

С незапамятных времён ханты считали осетра священной рыбой.

И всё потому, что он был любимым ездовым быком морского Бога Щарс ики. В то время спина у него была сплошь костяной и состояла из пяти крепких острых ножей.

Как только люди, живущие по берегам великой реки Ас, придумали колданы и различные рыболовные снасти, то лелеяли в душе надежду, что когда-либо они всё равно выловят эту огромную рыбину.

Но осётр не давался им в руки и в очередной раз, вынырнув из воды, только посмеивался над ними:

– Что вы там вновь изобрели для меня, какую хитрую ловушку смастерили. Ни ваши колданы, ни гимги, ни хитро сплетённые травяные сети меня всё равно не остановят. На моей спине есть пять острых ножей, стоит мне только повернуться, как от ваших ловушек останутся одни лохмотья. Все перережу, всё искрошу в клочья!

Не раз и не два приходилось видеть Турому очередную хвастливую выходку зазнавшегося быка морского Бога Щарс ики.

Наблюдал Туром Ащи и то, что рыболовы-ханты старательно трудятся. Видел, как они ищут крапиву, собирают её, сушат, разбивают на волокна, мнут и изготавливают из неё крепкие нити. Затем плетут из этих нитей разные ловушки и снова пытаются поймать осетра.

Но он лишь в очередной раз разрывал все их сети и опять уплывал.

Не вытерпел Туром такого издевательства и наказал эту рыбу тем, что вместо крепкой костяной спины дал ему хрящи.

Надумал как-то осётр вновь посмеяться над людьми и нарочно заплыл в колдан, выбраться из которого уже не смог.

Метался-метался он в сетном мешке, а когда устал, то рыболов вытянул его на поверхность воды, ударил колотушкой по лбу и затащил в колданку.

С тех самых пор осётр стал обычной рыбой.

Его стали всюду отлавливать и готовить разную вкусную еду.

Лон верты ими и Айе

Много лет тому назад в деревне Машьягорт, примостившейся на берегу Малой Оби, проживало несколько хантыйских семей.

Все мужчины этого небольшого поселения, способные держать тяжелую пешню и тугой охотничий лук, с раннего утра и до позднего вечера находились на рыбной ловле или охоте. А женщины, дети и старики, остававшиеся дома, управлялись со всеми работами по хозяйству.

Лишь только вечерние сумерки начинали окутывать заснеженную землю, уехавшие промысловики возвращались обратно. Что собачьи, что конные нарты каждый раз с трудом везли богатую добычу.

Удачливыми и трудолюбивыми были мужчины-машьягортцы, а узорная одежда и обувь, искусно сшитая руками их жен-мастериц, славилась как на нижнем, так и на верхнем течении Малой Оби! Благодаря этому в счастье и достатке жили люди Машьягорта.

Однажды обычным зимним вечером в одном из домов этой деревни все улеглись спать. Только младшая дочь хозяина, которую звали Айе, никак не могла заснуть. Сколько бы ни ворочалась с одного боку на другой бок, как бы ни пыталась нагнать на себя сон, ничего не получалось.

Тогда она тихонько поднялась с нар, подошла к налимьему окошку и посмотрела на улицу: там стояла тихая лунная ночь. Девушка прислушалась: сквозь стены бревенчатой избы до её слуха отчетливо донеслось, как на другом краю деревни яростно залаяли и разом смолкли собаки, а где-то совсем неподалеку беспокойно заржала лошадь.

Айе стало жутко, и, пошарив рукой возле чувала, на привычном месте, она нашла кремни для огня, зажгла лампаду и, чтобы поскорее уснуть, решила заняться рукоделием.

Усевшись на пол у самого краешка нар, протянула ноги вперед, взяла в руки расщепленные оленьи сухожилия и принялась изготавливать из них нитки. Возьмет один конец жилы, передними зубами крепко-накрепко его прикусит, а ее оставшуюся часть, смочив слюной, между обеими ладонями сначала вперед, а потом назад прокручивает.

Долго ли, коротко ли трудилась девушка, а сон все не приходил. Между тем ее домашние так крепко спали, что вряд ли кто-то из них мог бы сейчас проснуться. Вот она уже довольно большой пучок нитей напярала и, не останавливаясь на этом, продолжала свое рукоделие дальше.

Так незаметно наступила полночь.

Вдруг двери дома тихонько открылись и в избу вошла седая сгорбленная старушонка лон верты ими. В левой руке она держала золотую чашу с небольшим пучком готовых ниток, а в правой – только что расщепленные оленьи сухожилия.

На Айе напал страх, но, собрав все свои силы, она переборола его и не подала старухе виду, что испугалась ее внезапного появления.

Лон верты ими подошла к девушке и ласково заговорила:

– Я вижу, внученька, что тебе не спится в эту долгую зимнюю ночь, а мне одной, видишь ли, тоже скучновато стало. Давай-ка вместе будем нитки из оленьих жил изготавливать и заодно посоревнуемся: кто же из нас двоих быстрее и лучше рукодельничает? Если ты выиграешь, то я подарю тебе свою золотую чашу; проиграешь – не обессудь: защекочу до смерти!

Сказав эти слова, старуха уселась напротив Айе, и они приступили к состязанию.

Долго ли, коротко ли обе мастерицы выделявали сухожилия на нитки, как девушка заметила, что золотая чаша ее соперницы вот-вот наполнится, а у нее нет и половины этих жил.

Тогда она обратилась к лон верты ими:

– Ты, бабушка, отдохни чуток, а мне по своим делам на улицу сходить надо!

Вышла Айе из избы, сходила в лабаз и, набрав там огромную охапку сухой бересты, заторопилась к мусорной яме и подожгла её.

Как только огонь набрал силу, а языки пламени с жадностью охватили кучу мусора, девушка забежала домой и крикнула старушке:

– Бабушка, бабушка, кажется, на улице твоя избушка горит!

Как будто ветром сдуло лон верты ими. Со всех ног она бросилась к мусорной яме и принялась тушить пожар.

А тем временем Айе спрятала ее золотую чашу, а затем жидким рыбьим жиром вымазала себя и лица всех спящих. И как ни в чем не бывало улеглась спать посреди своих сестер.

Незаметно стало рассветать.

Девушка, притворившись спящей, хорошо слышала, как лон верты ими вошла и долго ходила по избе в поисках своей золотой чаши.

Не обнаружив пропажи, она стала ощупывать лица спящих людей и приговаривать:

– Вот эта, по-моему, давно спит, даже потом ее прошибло, и эта спит вся потная. Так с кем же из них я изготавливала нитки из сухожилий?

Не найдя ответа на свой вопрос, лон верты ими глянула в окошко и увидела, что на улице рассвело и ей пришлось поспешно возвращаться к себе домой.

С тех давних пор прошло много лет.

Девушка по имени Айе из деревни Машьягорт, находившейся на берегу Малой Оби, удачно вышла замуж, была матерью, стала бабушкой.

И действительно, как на нижнем, так и на верхнем течении её родной реки не было такой искусной рукодельницы, как она!

В очередной раз, показывая своим внукам золотую чашу лон верты ими, она рассказывала им, кто раньше являлся ее законной владелицей.

Менкв и юноша

В давнюю пору на таёжной стороне Малой Оби жил-был менкв. На другом берегу той же реки среди смешанного леса стояла избушка, в которой проживал юноша-ханты.

Как только начиналась вонзевая пора, лесной великан ловил рыбу на одной стороне Оби, а юноша – на другой.

Когда же наступала зима, и подходило время охотничьего промысла, менкв вставал на широкие лыжи, подбитые лосиными камусами, и отправлялся в тайгу, а его сосед уходил добывать зверя в свои леса.

Так день проходил, ночь наступала. И опять новый день начинался.

Однажды долгим зимним вечером, сидя на нарах своего огромного дома, лесной великан задумался:

– Что-то в последнее время мне скучновато стало. Схожу-ка я завтра в гости

к соседу через реку и попробую вызвать его на состязания. Посмотрим, кто из нас двоих сильнее, ловчей и смекалистей. То-то потеха будет! Где же обычному человеку справиться со мной, откуда ему взять столько силы, которой меня наделила матушка-природа?

Состязаться мы будем при одном условии, что победивший должен привязать побеждённого к самой громадной лиственнице, растущей в моей тайге. У меня на этот случай припасена железная цепь с замком и ключом. Ох, как бы её завтра не забыть!

Если даже и проиграю, то пусть сосед привяжет меня к дереву кожаными веревками, которые я, конечно, тут же разорву безо всяких усилий. Ну, а если выиграю состязание, то как следует этого ханты своей цепью к лиственнице прикручу.

Зато, когда я от него избавлюсь, то все близлежащие леса, земли и воды будут принадлежать только мне одному!

С такими радостными мыслями он улёгся на нары да так громко захрапел, что бревенчатые стены просторной избы, срубленной из вековых лиственниц, заходили ходуном в такт его богатырскому храпу.

На следующее утро менкв пришёл к юноше и, поздоровавшись с ним, завёл такую речь:

– Слушай, внучек, я просто удивляюсь тому, что нынче на моих охотничьих угодьях слишком много диких оленей развелось. Было бы очень здорово, если бы мы вдвоём сумели добыть семерых оленей-быков, а затем устроить состязания: сварить оленину, разделить мясо поровну и съесть. При этом, кто из нас победит, тот должен привязать побеждённого к самой большой лиственнице. Если я проиграю, то ты меня привяжешь. Через свои слова не перешагну, вот мой огонь горит, – сказал он, кивнув головой в сторону чувала, где весело потрескивали горящие дрова, пылало яркое пламя.

– Ну, что же, дядюшка, – ответил юноша, – я согласен потягаться с тобой и условия этих состязаний меня вполне устраивают.

После этого разговора двое охотников, проверив луки и стрелы, тронулись в тайгу на поиски диких оленей.

Долго ли, коротко ли они охотились – добыли семерых быков.

Ободрали с них шкуры, освежевали туши, разрубили мясо и положили в огромный котёл, висевший над костром.

Сварив оленину, разделили её пополам и, усевшись на снегу друг против друга, приступили к состязанию.

Юноша во время еды незаметно от своего соперника туда брошенное мясо – туда бросил, сюда кинутое мясо – сюда кинул.

Менкв с большим аппетитом, громко чавкая, все подряд съедает, только лишь обглоданные кости в разные стороны летят и по снегу рассыпаются.

– Дядюшка, я уже закончил есть! – крикнул менкву юноша-ханты.

– А я, внучек, ещё ем, – отвечает он, – подожди немного, дай хоть остатки мяса доесть, а ты тем временем своей крепкую веревку.

Юноша, взяв в руки острый нож-щохар, разрезал на длинные полосы сырые оленьи шкуры и сплёл из них толстый канат.

Проигравший состязание лесной великан нехотя подошёл к громадной лиственнице, и победитель начал изо всей силы привязывать его. Но стоило только менкву шевельнуться, как веревки, сплетённые из сырой оленьей кожи, лопнули в нескольких местах.

И в этот самый момент юноша заметил на поясе его малицы железную цепь с замком и ключом к нему. Он резко выхватил её, несколько раз обернул цепью своего соперника и, повернув ключ, захлопнул замок.

После этого смельчак спокойно отошёл от дерева, куда был прикован менкв, собрал раскиданное им во время состязания варёное оленьё мясо. Затем, сложив его на заплечные нарты, тронулся домой.

С тех пор много ли, мало ли времени прошло, решил юноша посмотреть: жив ли ещё лесной великан.

Пришел он к нему и видит: лежит менкв прямо у порога своего дома и громко-громко стонет, а к его спине железной цепью привязана огромная лиственница, вывороченная вместе с корнями из мёрзлой земли.

Подошёл храбрец к лесному великану, отомкнул замок и, освободив его, сказал:

– С этих пор и на будущее запомни, что земля и вода на всех одна и пока жив человеческий род, не смей его трогать!

С такими словами юноша-ханты зашагал на свою сторону Малой Оби.

Он и поныне там живёт-поживает, бед и горестей никаких не знает.

Мом ики и Аснэ

В деревеньке Кутым ов, давным-давно заброшенной людьми, на высоком красивом холме среди могучих древних кедров стояла одинокая избушка.

По рассказам старожил, в ней проживало две молодые семьи, у одной из которых рос грудной младенец. Обе свояченицы были очень дружны между собой. Может быть, поэтому удача всегда сопутствовала их мужьям-братьям на рыбной ловле и охоте.

Наверное, так бы и дальше они жили-поживали в счастье и достатке, но нежданно-негаданно в их спокойную жизнь ворвалась беда.

Однажды по первому снегу мужчины ушли в тайгу на беличий промысел.

А их жёны, управившись со всеми работами по хозяйству, ближе к вечеру зажгли в доме лампадки с щучьим жиром и принялись за рукоделие.

Долго ли, коротко ли они изготавливали нитки из оленьих сухожилий, как проснулся ребёнок старшей свояченицы и расплакался. Мать взяла его на руки, успокоила, покормила и стала играть с ним в глухариный зоб.

Подбросив шарик, она ждала, когда сын поймает его своими ручонками и кинет ей обратно. Малыш, громко смеясь, радостно бегал за своей игрушкой и до того заигрался, что никак не хотел укладываться спать.

Скоро начало темнеть. Тогда младшая свояченица по имени Аснэ вдруг забеспокоилась и обратилась к старшей:

– Кай! Ведь уже очень поздно, и вам пора бы закончить свою игру и лечь спать.

Но мать с ребёнком, не обращая внимания на её слова, продолжали играть и веселиться.

Так незаметно наступила полночь.

Аснэ закончила свою работу, подошла к налижнему окошку и посмотрела в него. Отсюда она увидела, как луна медленно выплыла из-за хмурых туч, пытавшихся всё время закрыть её, и ярко осветила окрестности возле дома.

Вдруг в это время на улице раздался короткий злобный лай упряжных собак, находившихся на привязи, и почти сразу же затих. Затем где-то рядом послышался скрип свежесвыпавшего снега под чьими-то тяжёлыми шагами. Казалось, что кто-то большой не спеша шёл к избушке.

Вслед за этим наступила необычная тишина.

Аснэ посмотрела на свояченицу с сыном, которые как-то сразу примолкли, и обомлела: мать с ребёнком неподвижно сидели на женской половине нар, а их совсем недавно весёлые лица уже покрыла мертвенная бледность. «Наверное, от внезапного испуга у них случился разрыв сердца, и они разом умерли», – подумала девушка, и холодные мурашки нахлынувшегося страха быстро пробежали по её спине.

Вскоре уже возле самого дома снова заскрипел снег, и до слуха Аснэ отчётливо донеслось чьё-то прерывистое шумное дыхание.

Девушку охватил ужас, и она кое-как произнесла вслух мысли, одолевавшие её:

– Если бы это были наши мужья, по какой-то причине возвратившиеся с беличьего промысла, то они не вели бы себя так настороженно. Сейчас бы, встречая своих кормильцев, весело повизгивали и лаяли наши ездовые собаки, а они совсем затаились, как будто их нет?

Неожиданно с улицы кто-то открыл дверь и, заходя в избушку, втащил за собой дверной косяк.

Ещё сильнее испугалась Аснэ, когда увидела перед собой громадного мом ики, но виду не подала и ласково попросила его:

– Ты, дядюшка, заходи потихоньку, а то всё моё жилище переломаешь!

– Нет-нет, внучка, – отвечал ей незванный гость.

Он тут же повернулся назад и огромным волосатым кулачищем ударил по косяку, поставив его на прежнее место.

Войдя внутрь дома, мом ики уселся на мужской половине нар и спросил девушку:

– Ну что, внучка, поедим-попьем?

– Конечно, дядюшка! Дай только на улицу выйти да в лабаз сходить!

Перед выходом Аснэ ещё раз глянула на свояченицу с ребёнком, а они как сидели на одном месте, так и продолжали сидеть не двигаясь.

Тогда девушка вышла из избушки, тихонько поставила на снег ездовые нарты и быстро впрягла в них первую собаку. Затем достала из лабаза огромную охапку аппетитного шумаха и внесла её домой.

Положив угощение на стол, она пригласила мом ики поесть:

– Отведай, дядюшка, вкусной пищи от нашего речного промысла! А я сейчас схожу и принесу тебе свежего жиру из хантыйской рыбы!

С этими словами девушка снова вышла на улицу, запрягла в упряжку вторую собаку. Потом сходила в лабаз, взяла в руки два берестяных хинта с замороженным рыбьим жиром и занесла в дом.

Поставив их перед поздним гостем, Аснэ сказала:

– Попробуй, дядюшка, я сама готовила всю эту еду, а мне тем временем надо принести тебе побольше шумаха!

В третий раз девушка вышла на улицу и запрягла последнюю собаку.

После этого она ловко запрыгнула на нарты, изо всех сил дёрнула за поводок вожака и хорошо отдохнувшая собачья упряжка вихрем понесла Аснэ прочь от этого страшного места.

Подарок менква

В старину на самой окраине небольшой хантыйской деревеньки рядом с дремучим лесом проживали бабушка Щащи и её внук Хилы.

Старая женщина никогда не сидела сложа руки: то она мяла руками звериные шкурки, плела травяные коврики, шила одежду и обувь для людей, то прибиралась по дому и готовила еду для себя и внука.

Щащи была хорошей сказочницей и знала разные старинные предания про богатырей народа ханты, которые жили в прежнее время на этой древней земле. Иногда мальчик был настолько очарован её удивительными рассказами, что мог долгие часы просиживать на одном месте и, затаив дыхание, слушать очередной сказ.

Порою Хилы казалось, что он и на самом деле живёт в сказке и где-то совсем рядом с ним, в тайге, проживают урты – добрые богатыри и защитники народа, мишьёх – лесные люди-доброжелатели, приносящие удачу на рыбной ловле и охоте.

Но, кроме добрых героев, мальчик видел и злых, – таких, как: моми – людоедов с круглой головой, большими оттопыренными ушами, сильными руками, выпуклым животом и короткими кривыми ногами; а также менквов – лесных великанов, которые были такими огромными, что могли дотянуться рукой до макушек самых высоких сосен, растущих в их дремучем лесу.

Все менквы представлялись ему злыми двуногими существами, способными приносить лишь только множество бед и неприятностей в их тихую мирную жизнь.

Бабушке очень хотелось, чтобы её внук стал добытчиком, как все мужчины их деревни, поэтому она смастерила ему черёмуховый лук и сосновые стрелы.

С этого времени Хилы целыми днями пропадал на улице и занимался тем, что учился стрелять из лука по разным целям.

Как-то, пытаясь попасть в мишень, он заметил белку и выстрелил в неё, но промахнулся.

В мальчике проснулся охотничий азарт, и он начал преследовать свою добычу.

Долго ли, коротко ли Хилы гнался за белкой, но всё же упустил зверька из виду, а когда остановился и оглянулся назад, то понял, что ушёл далеко от своей деревни и заблудился в тайге.

Прямо перед мальчиком стояли могучие древние кедры, которые вряд ли смогли бы обхватить два человека. Чуть подальше от них, будто упираясь своими макушками в синее небо, росли высокие сосны. Кругом стояла жуткая тишина.

Ему стало страшно, но, собрав все свои силы, он начал искать дорогу, которая вывела бы его в родную деревню.

Долго ли, коротко ли шёл Хилы по тайге, как вдруг до его слуха донеслись частые всплески воды и чей-то громкий протяжный стон.

Он осторожно прокрался к месту, откуда был слышен шум и увидел, как великан-менкв, попав в болотистую трясику, делает отчаянную попытку вырваться из вязкой бездны. В очередной раз, захлебнувшись болотной жижей, он с шумом выплюнул её и, заметив мальчика, изо всех сил крикнул: «Внучек, внучек, не бросай меня в беде. Напротив этого болота, за высоким кедровым островом, находится мой дом. Ты сбегай туда и предупреди мою жену, что я попал в трясику. Пусть она поспешит сюда и поможет мне выбраться!»

Хилы начал искать жилище менква и вскоре вышел к большому рубленому из лиственничных брёвен дому.

Он зашёл внутрь и увидел, как на самом краешке нар с левой стороны сидит жена менква, покачивая берестяную люльку с ребенком.

Завидев мальчика-ханты, она обрадовалась в предвкушении вкусного обеда: и вот-вот схватит, вот-вот накинется на него!

Перепугался Хилы и, удерживая дрожь в голосе, сказал ей: «Тётушка, на соседнем болоте твой муж попал в вязкую трясику и никак выбраться не может. Пospеши ему на помощь!»

Вскочила великанша, словно кипятком её ошпарили, и со всех ног бросилась к болоту. Ещё не дойдя до места, она вместе с корнями вырвала из земли несколько громадных сосен и покидала их в трясины.

Схватился менкв за стволы брошенных ему деревьев, подмял их под себя и с трудом выкарабкался из болота. Отряхнулся он, отдышался, вытер с себя травой болотную грязь и попросил мальчика: «Ты, внучек, не бойся нас и не убегай. Пойдём, пойдём вместе с нами!»

Так Хилы попал в гости к лесным великанам.

Дома менкв достал из сундука свою красную шёлковую рубашку, отхватил острым ножом правый рукав и, протянув его своему спасителю, сказал: «На, внучек, возьми подарок от меня! Иди прямо от моего дома, так быстрее придёшь в свою деревню и по дороге не заблудишься».

Из подаренного менквом рукава Щащи сшила своему внуку целых семь рубашек.

И до сегодняшнего дня живёт Хилы со своей бабушкой.

Но как только надевает красную рубашку, то с благодарностью вспоминает добрых лесных великанов.

Почему налима бьют?

В незапамятные времена Ай Ас ики, проживавший на Малой Оби, собрался колданить.

Выехал он на своей маленькой лодочке на середину реки, опустил колдан в воду и, расправив его, начал рыбачить.

Долго ли, коротко ли плыл рыболов по течению реки, как вдруг почувствовал частое подёргивание колданных нитей. Он почти сразу же ослабил их и, вытягивая ловушку из воды, увидел крупного налима, попавшего в неё.

Ай Ас ики не спеша подтянул поближе сетный мешок с добычей, схватил из лодки небольшую деревянную колотушку, оглушил рыбину и, обращаясь к ней, проговорил:

– Ты четырёхусых-пятиусых корявоголовых зятей позови, длинномордую-узкомордую сватью с собой возьми, двоюродных братьев и сестёр тоже пригласи!

С этими словами он вытащил налима из ловушки, уложил его на дно лодки и пристал к берегу.

Выбрав подходящее место на песчаной косе, рыболов растянул свою снасть и колданным прутом очистил её от речного мусора.

После этого Ай Ас ики рыбачил ещё два дня.

В первый день он поймал четырёх громадных осетров, а на следующий – шесть крупных налимов и десять больших нельм.

Вот почему и в настоящее время рыбаки-ханты, поймав налима, слегка бьют его с обоих боков и при этом наказывают, чтобы следом за собой в ловушку он позвал всех своих ближайших родственников.

Проделки йингк куль ики

Однажды в старину по Большой Оби плыл купеческий караван, состоящий из трёх судов. Все они были нагружены разными товарами для торговли с рыболовами-ханты в обмен на рыбу.

Бойко гребли наёмные рабочие, оглашая заунывными песнями о нелёгкой доле простого русского человека спокойствие великой сибирской реки.

Благодаря людской воле и попутному течению воды быстро двигался караван купца из самого губернского города Тобольска до хантыйских плавных песков.

Вдруг напротив деревни Менгкат нёл, на самой середине реки, купеческие суда резко остановились.

Рабочие изо всех сил налегли на вёсла, но ни одно судно не сдвинулось с места. Лоцманы старательно проверили глубину фарватера реки, но ничего подозрительного не обнаружили.

В течение двух дней гребцы из последних сил пытались вырваться вперёд, но всё было безуспешно.

Вскоре работники до того устали, что уже не могли больше грести.

Тогда купец собрал своих приказчиков, велел им съездить на шлюпках

в деревню и попросить местных жителей о какой-либо посильной помощи. Ханты, недолго думая, отправили купеческих помощников к шаману.

Тот, внимательно выслушав их просьбу, пошёл на обрывистый берег реки и совершил поры.

После этого он обратился к посланникам купца и посоветовал им: «Проезжая это место, никогда не шумите, делайте приношения духам Великой реки Оби и Нум Туром отведёт вас от беды! Только завтра, ранним утром, вы освободитесь и поедете дальше, а сегодняшнюю ночь придётся переждать здесь».

На следующее утро установилась тихая солнечная погода.

Рабочие приударили вёслами по воде, и первое судно тут же сдвинулось с места, следом за ним – второе и третье.

Вышел купец на палубу своего головного судна, внимательным взглядом окинул необъятную ширь великой сибирской реки, улыбнулся и, вспомнив предсказание шамана, с восхищением сказал: «Ты гляди-ка, как удивительно тонко ханты чувствуют природу».

Сватовство Нёлпаса

Живёт-поживает лон верты ими с двумя дочерьми.

Словно молоденькие березки в пору весеннего расцвета, налились они девичьей красотой. Наступило время, когда старой матери пришлось задуматься об их замужестве.

Однажды около дома лон верты ими появилась толпа молодых людей. С Великого города, стоящего на нижнем течении реки Оби, приехало 50 сыновей славных ненецких богатырей. Рядом с ними совсем незаметно пристроились двое местных охотников-ханты. Одного звали Нёлпас, а другого – Парпаль.

Каждому из этих прибывших юношей хотелось бы заполучить в жены такую красавицу-невесту, какими были дочери лон верты ими.

Все собравшиеся женихи терпеливо ожидали, когда сама хозяйка будет приглашать их в дом и вести речь об условиях сватовства ее дочерей. Но из избы долгое время никто не выходил.

Нёлпас стоял-стоял и говорит Парпалю:

– Сходи-ка да спроси старушку, что она хочет нам сказать?

Охотник не спеша вошел в дом, встал у порога и стоит молча. Лон верты ими, заметив его, только так и сказала:

– Если вы угадаете, как зовут моих дочерей, то я их вам без всякого выкупа замуж отдам!

Долго ли, коротко ли думал Парпаль – не сумел угадать имена девушек.

В это время начало темнеть, и он, выйдя из дома лон верты ими, заметил, как 50 сыновей славных ненецких богатырей двинулись к своему стану. Следом за ними по домам тронулись охотники-ханты.

А в это самое время дочери лон верты ими неторопливыми шагами по избе так похаживали, что под тяжестью их крепких молодых тел половицы с жалобным стоном прогибались, и выговаривали своей старушке-матери:

– Ты сама должна была нас показать и представить женихам. Вряд ли они справятся с тем условием, которое ты им предлагаешь. Откуда же, на самом деле, им знать, как нас зовут-величают!

На следующий день Парпаль повстречался с Нёлпасом и обратился к нему:

– Сходи-ка ты сегодня да спроси старушку, что она нам хочет сказать?

Нёлпас, не торопясь, подошел к дому лон верты ими и увидел, что 50 сыновей славных ненецких богатырей уже стоят у самых дверей.

Он прошел мимо них и вошел в избу. Старая женщина, заметив охотника, только так и сказала:

– Если вы угадаете, как зовут моих дочерей, то я их вам без всякого выкупа замуж отдам!

В это время перед ним появились дочери-красавицы лон верты ими. Они неторопливыми шагами по дому так похаживали, что под тяжестью их крепких молодых тел половицы с жалобным стоном прогибались.

Нёлпас стал думать-гадать, но не смог угадать имена девушек.

К этому времени завечерело. 50 сыновей славных ненецких богатырей заторопились к своему стану.

Вслед за ними пошли по домам и охотники-ханты.

На третий день Нёлпас с Парпалем решили:

– Сходим-ка сегодня вдвоем к лон верты ими, что она нам скажет?

Подойдя к её дому, охотники увидели, что 50 сыновей славных ненецких богатырей уже стоят около дверей.

Друзья прошли мимо них и вошли в избу. Старая женщина, заметив двоих молодых людей, которые к ним уже заходили, как и прежде, сказала:

– Если вы угадаете, как зовут моих дочерей, то я их вам без всякого выкупа замуж отдам!

Женихи только стояли у порога и молчали.

И тут наступила необычная тишина, среди которой раздался голос лон верты ими:

– Мою кровь – мое тело, моих дочерей-красавиц в дальнюю даль от меня молодой охотник Нёлпас увозит!

С этими словами она подвела старшую дочь к Нёлпасу, а младшую – к Парпалю.

Затем лон верты ими вышла на улицу и объявила оставшимся женихам, что сватовство состоялось, и ее дочери нашли себе достойных спутников жизни.

Тогда 50 сыновей славных ненецких богатырей тронулись с места и отправились искать невест в другие края.

Так благодаря своей настойчивости охотник Нёлпас нашел невесту не только себе, но и своему другу Парпалю.

Они и по сей день рядом с нами живут-поживают.

И если на их жизненном пути бросить иголку, то и она на виду у всех лежать будет.

Сказание о Поравате

С незапамятных времён и до сегодняшнего дня на одном из высоких величавых холмов, раскинувшихся над красавицей Обью-рекою, находится небольшая хантыйская деревенька Порават.

Её жители всегда считали своим духом-покровителем Священную лиственницу. И до сих пор стоит это дерево возле заброшенного поселения, словно одинокий могущественный урт на страже своих владений.

Люди, проживавшие в Поравате, из поколения в поколение были превосходными рыболовами. Они умели не только красиво и прочно мастерить разные орудия рыбной ловли, но и хорошо знали, когда и в каком месте их лучше применить.

Так пораватцы выставляли гимги, важаны и при любой погоде довольно ловко управлялись с колданом.

Однажды на реке Оби, около Каменного мыса, где рыболовы-ханты добывали большую часть своего дневного улова рыбы, начали происходить непонятные события.

Только поставят рыбаки свои ловушки, как их кто-то тут же ломает, разрывает в клочья и выкидывает на поверхность воды. Не раз и не два приходилось им издали наблюдать за такими необычными происшествиями.

К всеобщему сожалению, никто ничего поделать не мог.

Приехал как-то один человек с рыбной ловли и принёс весть о том, что прямо на его глазах ушла под воду колданка с рыбаком, проверявшим свои снасти. Но никто из людей не поверил этому, и все по-прежнему продолжали спокойно промыслять рыбу возле Каменного мыса.

Через несколько дней кто-то из вернувшихся с рыбалки снова сообщил, что пропало ещё несколько человек вместе с лодками на том же самом месте.

Когда уже половина мужчин деревни была потеряна на промысле, оставшиеся жители собрались вместе и стали думать, как им избавиться от такой страшной напасти.

Долго ли, коротко ли советовались между собой поселяне, наконец нашли выход из общей беды и дружно взялись за дело.

Сначала рыболовы-умельцы смастерили небольшие лодки, похожие на колданки, набили вдоль киля каждой из них остро заточенные железные прутья. После этого они вытесали из толстых брёвен чучела людей и, приодев их в мужские одежды, крепко-накрепко привязали к сиденьям вновь выдолбленных лодок.

Как только макеты колданок с рыбаками были готовы, жители деревни подтащили их к берегу реки и один за другим спустили на воду по направлению к Каменному мысу.

Лодки, подхваченные сильным течением и подгоняемые попутным ветром, скоро оказались возле того места, где постоянно пропадали промысловики.

Заметив множество колданок с едущими в них людьми, высунулся йингк куль ики из воды и радостно воскликнул:

– Ей! Как много еды сегодня навстречу мне едет!

Затем он тут же стал хватать лодки и, разинув огромную пасть, сильными руками закидывать их в свою ненасытную утробу.

На этот раз водяное чудовище проглотило тридцать колданок с чучелами людей и, оставшись довольным, незаметно скрылось под водой.

Мужчины, притаившиеся на берегу недалеко от этого мыса, внимательно наблюдали за всеми его проделками. Они терпеливо ждали того момента, на который втайне надеялись.

Но как-то совсем незаметно прошёл первый день, следом – другой. Только к полудню третьего дня со стороны

Каменного мыса из-под воды вдруг начали раздаваться глухие протяжные стоны.

Долго ли, коротко ли они были слышны, вскоре сам йингк куль ики выплыл на поверхность реки.

Жители поселения, высыпавшие на берег, с некоторым страхом и любопытством посматривали на плывшее по воде беспомощное полумёртвое чудовище.

У него была блестящая чёрная кожа, а длина тела равнялась двум каюкам¹. Казалось, что, если бы он ожил и встал на ноги, от одного его громадного роста и свирепого вида обычный человек пришёл бы в ужас.

Поэтому люди решили вытянуть тело великана на сушу и предать очистительному огню.

Жители деревни кое-как затащили водяное чудовище на один из самых высоких холмов, обложили хворостом и, помолившись Нум Турому, подожгли его со всех сторон.

Высоко взметнулось пламя праведного огня, и услышали мужчины последние слова йингк куль ики:

– На месте моего праха в будущем вырастет Священная лиственница, вы поклоняйтесь, почитайте её и будете счастливы!

Со временем на том самом холме, действительно, выросло могучее стройное дерево.

И стали тогда поселяне считать своим покровителем дух Священной лиственницы и поклоняться ей во все времена.

Не случайно удачливые рыболовы-ханты основали свою деревню Порават рядом со святым для них местом.

И до сих пор стоит это могучее дерево возле заброшенного людьми поселения, словно безмолвное напоминание о происхождении маленькой хантыйской деревеньки Порават.

Сорога-сплетница

В полноводной реке Малая Обь жила-была рыба сорога.

Радуюсь спокойной и сытой жизни, плавала она по родному сору. Как увидит комара, присевшего на поверхность воды, тут же заглотит его и дальше отправится. Червяка ли в илистом дне заприметит – и того с огромным удовольствием слопает.

Хорошо было сороге, и не раз она благодарила всевидящего Турома за то, что Он повелел ей жить в таком прекрасном подводном мире.

Однажды жарким солнечным днём захотелось сороге прогуляться до соровой протоки, выходящей в реку.

Долго ли, коротко ли она плыла и наткнулась на прочный рыбацкий запор, которым был перегорожен весь сор.

В отчаянии заметалась сорога туда-сюда в поисках выхода в реку, но, не обнаружив его, огорчённо вздохнула и громко воскликнула:

– Кай! Да ведь нас всех здесь выловят, всех из воды повытаскивают!

Немного успокоившись и подумав, она решила предупредить своих соседей о хитрой ловушке, приготовленной для них рыбаками.

Затем, похвалив себя за догадливость и вильнув хвостом от удовольствия, она поплыла обратно и до каждой рыбы донесла эту недобрую весть.

Много ли, мало ли времени прошло, как оповещённые сорогой подводные обитатели стали собираться на великий соровой сход.

Не спеша, переваливаясь с боку на бок, к месту сбора подплыли нельмы, муксуны, щёкуры, следом за ними спешили сырки и пыжьяны, чуть быстрее подошли зубастые шуки, потом показались неповоротливые язи, колючие окуни и ерши, а после всех – чебаки.

Всем из них хотелось выслушать весть о рыбацком запоре и решить, как можно будет выйти из загороженного сора в вольные речные воды.

Лишь только собравшаяся рыбная толпа угомонилась, сорога выплыла перед ней и произнесла взволнованную речь:

– Уважаемые сородичи! Наш сор, богатый всякой полезной растительностью и моллюсками, служащими для нас вкусной едой, рыбаки-ханты перегородили крепким деревянным запором. Все вы хорошо знаете, что приближается осень и вода убывает каждый день. Когда место нашего обитания высохнет, мы станем лёгкой добычей для рыбаков. Мне кажется, что как раз настало то время, когда каждому нужно показать себя

в борьбе за выживание. Надо дружно взяться за общее дело и, подойдя к запору, вырыть нашими крепкими хвостами проход снизу, а затем через него выйти в вольные речные воды!

– Молодец, сорога! Мы думаем так же, как и ты, – почти в один голос прокричали ей в ответ разные рыбы.

И тут же прямо со схода их многочисленные косяки плотной стеной двинулись к соровой протоке. Подплыли они туда и увидели, что их сор, действительно, перегороден у самого выхода в реку.

Кинулись рыбы к нижним заграждениям запора и изо всех сил принялись разрывать своими хвостами илистое дно протоки. До того они расстарались, что всю воду вокруг замутили. Поэтому, ничего не видя, целые косяки соровых обитателей случайно заплыли в запорные гимги, находившиеся по обеим сторонам заграждения, и попали в руки удачливых рыбаков.

А хитрая сорога всё это время находилась в стороне и спокойно наблюдала, как её сородичи пытались вырваться на свободу.

Лишь только грязь, поднятая рыбами, осела на дно протоки, она увидела в заграждении небольшое отверстие. Нырнула в него сорога и не спеша выплыла на речной простор.

С тех самых пор невзлюбили её сородичи, стали презирать и прозвали сплетницей. От обиды так долго она плакала, что её глаза покраснели.

А всевидящий Туром в наказание за скверный поступок лишил мясо сороги всякого вкуса. Поэтому ханты, проживающие на реке Обь, и в настоящее время очень редко едят эту рыбу, а если случайно поймают её, то так и скажут: «Ну, что, попалась и ты, сплетница!»

Супруги тон-тон

Немало зим, немало лет прошло с тех пор, когда на этой северной земле жили-были супруги тон-тон.

Однажды прекрасным солнечным утром муж обратился к жене:

– Ты, наверное, знаешь, что по соседству с нами на самом берегу Малой Оби стоит рыбацкая избушка. В ней проживает одна хантыйская семья, имеющая трёх дочерей. Сходила бы ты к ним и выпросила бы у родителей одну девочку.

По душе пришлась жене просьба мужа. Она быстро собралась и тронулась в путь по крепкому весеннему насту.

Долго ли, коротко ли шла тон-тониха, вскоре подошла к небольшой избушке.

Вошла она в дом к соседям и говорит им:

– О, светлый день! Да вы, оказывается, трёх дочек имеете, как же я об этом раньше-то ничего не знала! Мы с вами рядом по соседству проживаем, так вы бы отпустили свою старшую девочку к нам. Она бы с нашей дочкой в соболиные куклы-звериные куклы поиграла.

Не хотели мать с отцом отпускать своего ребёнка с незнакомой женщиной и спросили дочку:

– Если у тебя есть желание поиграть с другой девочкой, так сходи, да только вечером домой возвращайся!

– Как же она вечером домой-то пойдёт, – ответила за девочку тон-тониха, – если с моей дочкой в соболиные куклы-звериные куклы допоздна заиграются? Пусть лучше переночует у нас, а завтра утром я её сама к вам приведу.

Не знали-не ведали родители, с кем отпустили свою дочку.

Вот идёт тон-тониха к себе домой и следом за собой ведёт девочку.

Не успели они подойти к её жилищу, как увидели на ветке берёзы синичку, которая громко защебетала и человеческим языком проговорила:

– Кат кут щев-щев, щев-щев! Твоя сегодняшняя дорога светла, а завтрашняя – темна!

– Хэй, тётушка, о чём это сейчас синичка прощебетала? – спросила девочка тон-тониху.

– Да ты, дочка, её не слушай! Она всякую чепуху несёт, не обращай на неё внимания!

Вскоре они подошли к дому, вошли внутрь, а там никакого ребёнка нет. «С кем же я буду играть в куклы?» – подумала про себя девочка и, посмотрев на нары, увидела сидевшего в углу мужчину.

Он поднял голову и спросил женщину:

– Ну что, жена, привела?

– Привела-привела, как же это я не приведу!

– Ну тогда держи её головку крепче за косы, а я как следует ударю!

С этими словами мужчина скатился с нар на самую середину избы и одним ударом убил девочку.

Они вдвоём с жадностью накиннулись на тело своей бедной жертвы. Где кровь текла – выпили, где мясо было – выгрызли, где косточки остались – обсосали!

Насытившись, схватил тон-тон скелет девочки, вынес его на улицу и забросил на крышу своего дома.

После этого довольные супруги повалились на нары да так крепко заснули, что не заметили, как день ночью сменился – ночь с днём поменялась.

Лишь к половине следующего дня они проснулись, и муж снова обратился к жене:

– Сходила бы ты к ним ещё и выпросила бы другую девочку.

Как и прежде, по душе пришлась ей его просьба. Она быстро собралась и опять тронулась в путь по крепкому весеннему насту.

Долго ли, коротко ли шла тон-тониха, вскоре подошла к знакомой избушке.

Вошла она в дом к соседям и говорит им:

– О, светлый день! Как хорошо наши дочки сошлись в игре, вчера допоздна в соболиные куклы-звериные куклы играли! И сегодня, лишь день глаза открыл, снова принялись за игры, играют-не наиграются, смотреть на них любо-дорого! Старшей дочке вашей у нас понравилось, и она позвала среднюю сестрёнку, чтобы они втроём поиграли.

Не хотели мать с отцом отпускать своего второго ребёнка и спросили среднюю дочку:

– Если у тебя есть желание поиграть с девочками, так сходи, да только вечером вместе со старшей сестрой домой возвращайтесь!

– Как же они вечером домой-то пойдут, – ответила за девочку тон-тониха, – если все втроём в соболиные куклы-звериные куклы допоздна заиграются? Пусть лучше переночуют у нас, а завтра утром я их сама к вам приведу.

Не знали-не ведали родители, с кем отпустили свою вторую дочку.

Вот идёт тон-тониха к себе домой и следом за собой ведёт вторую девочку.

Не успели они подойти к её жилищу, как увидели на ветке берёзы синичку, которая громко защебетала и человеческим языком проговорила:

– Кат кут щев-щев, щев-щев! Твоя сегодняшняя дорога светла, а завтрашняя – темна!

– Хэй, тётушка, о чём это сейчас синичка прощебетала? – спросила девочка тон-тониху.

– Да ты, дочка, её не слушай! Она всякую чепуху несёт, не обращай на неё внимания!

Вскоре они подошли к дому, вошли внутрь, а там никаких детей нет. «Где же моя сестра с подружкой?» – только успела подумать про себя девочка и, посмотрев на нары, увидела сидевшего в углу мужчину.

Он поднял голову и спросил женщину:

– Ну что, жена, привела?

– Привела-привела, как же это я не приведу!

– Ну тогда держи её головку крепче за косы, а я как следует ударю!

С этими словами мужчина скатился с нар на самую середину избы и одним ударом убил девочку.

Они вдвоём с ещё большей жадностью накинудись на тело своей бедной жертвы. Где кровь текла – выпили, где мясо было – выгрызли, где косточки остались – обсосали!

Насытившись, схватил тон-тон скелет девочки, вынес его на улицу и забросил на крышу своего дома.

После этого довольные супруги повалились на нары да так крепко заснули, что не заметили, как день ночью сменился – ночь с днём поменялась.

Лишь к половине следующего дня они проснулись, и муж снова обратился к жене:

– Сходила бы ты к ним ещё и выпросила бы третью девочку.

Как и раньше, понравилась ей его просьба. Она быстро собралась и опять тронулась в путь по крепкому весеннему насту.

Долго ли, коротко ли шла тон-тониха, вскоре подошла к знакомой избушке.

Вошла она в дом к соседям и говорит им:

– О, светлый день! Вчера наши дети как начали в соболиные куклы-звериные куклы играть, так до самой ночи играли! И сегодня, лишь день один глаз открыл, все втроём уже принялись за игры. Играют-не наиграются, глядя на них, сердце радуется! Сегодня они надумали сыграть в куклы парами, и поэтому ваши старшие девочки позвали к себе свою младшую сестрёнку. Мол, пусть придёт, а то, что же она одна дома скучать будет!

Не хотели-не хотели мать с отцом отпускать свою последнюю дочку и спросили её:

– Если у тебя есть желание поиграть с девочками, так можешь сходить, да только вечером все втроём домой возвращайтесь!

– Как же они вечером домой-то пойдут, – ответила за девочку тон-тониха, – если все вчетвером парами в соболиные куклы-звериные куклы допоздна заиграются? Пусть лучше переночуют у нас, а завтра утром я всех трёх сестёр сама к вам приведу.

Не знали-не ведали родители, с кем отпустили свою последнюю дочку.

Вот идёт тон-тониха к себе домой и следом за собой ведёт третью девочку.

Не успели они подойти к её жилищу, как увидели на ветке берёзы синичку, которая громко защебетала и человеческим языком проговорила:

– Кат кут щев-щев, щев-щев! Твоя сегодняшняя дорога светла, а завтрашняя – темна!

Услышала маленькая девочка синичкины слова, от страха взглянула на крышу дома, показавшегося впереди, и увидела там лишь скелеты своих сестёр.

Вырвала она свою ручку из руки тон-тонихи и со всех ног пустилась домой.

Долго ли, коротко ли она бежала, пришла к родителям и говорит им:

– Наверное, потому вы отдали моих старших сестёр этой незнакомой женщине, чтобы их съели, а их несчастные скелеты забросили на крышу дома. Они и сейчас там лежат, солнце их сушит, а ветер обдувает со всех сторон!

Делать нечего, отец этих девочек собрал всех жителей с ближайших деревень. Огромной толпой они повалили к жилищу оборотней.

Мужчины, обнаружив их спящими, крепко-накрепко закрыли выходы из избы, сняли с крыши скелеты девочек и захоронили.

После этого люди обложили дом тон-тонов хворостом и подожгли его со всех сторон.

И сгорели людоеды-оборотни в праведном огне, да только их чёрные души всё же успели вылететь на улицу через трубу чувала.

Не принял их Туром к себе, и они стали летать по среднему миру в поисках пристанища в душах двуличных людей.

Не зря старые ханты говорят про таких оборотней: «Это тон-тоны сидят в их душе!»

Супруги Тырамы

Кто хотя бы раз пробовал отварную налиమ్ью колбасу, тот безо всякого сомнения скажет, что это блюдо хантыйской кухни удивительно вкусное и неприхотливое в своём изготовлении. Но в настоящее время вряд ли кто-то сможет поведать нам о том, когда ханты придумали эту еду, чтобы как-то разнообразить свою скудную пищу.

По рассказам старожиллов Малой Оби, в прежние времена на одном из речных притоков жили-поживали муж с женой, большие любители налиమ్ьей ухи. Может быть, поэтому окрестные жители дали им обоим такое короткое, но очень меткое прозвище Тырамы.

В одно прекрасное зимнее утро Тырам ики вышел на улицу из своей маленькой рубленой избушки и заторопился на рыбалку. Долго ли, коротко ли он добирался до своих ловушек, скоро увидел знакомые запоры.

Подойдя к ним, рыболов принялся за работу. Вытаскивая из-под льда очередную гимгу и вываливая на снег крупных извивающихся налимов, мужчина радовался богатому улову, и добродушная улыбка время от времени проскальзывала по его лицу, усам и пряталась в короткой свернувшейся едва заметными волосяными колечками чёрной бороде.

Осмотрев все свои ловушки, Тырам ики старательно разложил на снегу пойманную рыбу в один ряд, чтобы она успела подмёрзнуть. Затем одну за другой установил запорные гимги на их прежние места и не спеша сложил затвердевших от мороза налимов в кожаные мешки.

Погрузив добычу на небольшие заплечные нарты, он впрягся в них и тронулся в сторону своей избушки.

Возвратившись домой к полудню, мужчина выбрал из своего улова самого крупного налима и начал его разделывать. Вспоров живот рыбины, аккуратно отделил от внутренностей печень и желудок. Затем вывернул его, тщательно соскоблил ножом содержимое и промыл водой. Очистив желудочный мешочек, он снова завернул его обратно и принялся набивать мелко нарезанной печенью. Когда он наполнился, рыболов взял тонкую ниточку из

оленьих сухожилий и, перевязав его горловину, лёгкими ударами тыльной стороны рукоятки ножа измельчил налимяю печень, находившуюся в желудке.

Закончив разделку налима, Тырам ики обратился к жене и попросил её:

– Свари-ка к вечеру уху из свежей рыбины! Я очень устал сегодня и, пожалуй, пока еда варится, немного подремлю.

С этими словами он улёгся на широкие тесовые нары и тут же крепко заснул.

Долго ли, коротко ли Тырам ими варила налимяю уху, вскоре еда была готова.

Хозяйка сняла котёл с чувала, подождала, пока он перестал кипеть. Затем выложила рыбу в продолговатый хуван, разлила уху в чашки.

Как только она накрыла на стол, принялась будить мужа:

– Ей, просыпайся да вставай, поедим свежей налимины да попьём жирной ушицы!

Проснулся Тырам ики, поднялся с нар, сходил на улицу и освежился.

Зайдя в дом, сел за стол, и супруги принялись за еду. Вот уже поели налимины да выпили по несколько чашек вкусной ухи, а хозяин всё не сводит глаз с хувана, куда была выложена рыба, и думает про себя:

– Хэй, а где же налимя колбаса, куда же её жена спрятала?

Муж только подумал об этом, но ничего не сказал ей и, допив уху, как ни в чём не бывало, спокойно вышел из-за стола.

После сытного ужина супруги управились с домашними делами да улеглись спать.

На следующий день с самого раннего утра Тырам ики снова заспешил на рыбалку.

Он проверил свои гимги и, как прежде, поймал немало крупных налимов.

К полудню с богатой добычей вернулся удачливый рыболов со своего промысла.

Дома мужчина снова выбрал самую большую рыбину и стал её разделывать. Как и в первый раз, он тщательно и долго готовил налимью колбасу к варке и лишь после этого разрезал всю рыбу на куски.

Закончив разделку налима, Тырам ики попросил жену сварить свежую уху. А сам, сославшись на сильную усталость, решил отдохнуть и улёгся спать.

Долго ли, коротко ли Тырам ими варила налимью уху, вскоре она была готова.

Хозяйка накрыла на стол и стала будить мужа:

– Ей, просыпайся да вставай, поедим свежей налимины да попьём жирной ушицы!

Проснулся Тырам ики, поднялся с нар, сходил на улицу и освежился.

Затем супруги приступили к еде. С большим удовольствием поели налимины, выпили ухи, а хозяин всё посматривает на хуван, где лежали оставшиеся куски рыбы, и думает про себя:

– Хэй, а куда же подевалась налимья колбаса, и в этот раз её тоже не было!

Как и в прошлый раз, муж только подумал об этом, но ничего не сказал жене.

Поели-попили супруги да приготвоились ко сну.

Лишь только наступило утро, Тырам ики опять собрался и пошёл на промысел.

Долго ли, коротко ли находился он на рыбалке. Ему и на этот раз посчастливилось выловить много налимов.

Согнувшись под тяжестью заплечных нарт, рыболов кое-как добрался до дому.

Разложив свой улов в лабазе, он, как и раньше, выбрал из него самого крупного налима и начал готовить его для варки. Вот уже разделал рыбу, и жена вновь принялась варить уху.

Тырам ики тем временем решил отдохнуть и, улёгшись на нары, крепко заснул.

Долго ли, коротко ли Тырам ими варила налимью уху, наконец-то сняла котёл с чувального крючка.

Лишь только отварная рыба и чашки с жирной ухой были выставлены хозяйкой на стол, она стала будить мужа:

– Ей, просыпайся да вставай, поедим свежей налимины да попьём жирной ушицы!

Проснулся Тырам ики, поднялся с нар, сходил на улицу и освежился.

Снова расселись супруги по своим местам за столом и принялись за еду. Они от души наелись налимины, напились ухи, а хозяин всё посматривает на хуван, где лежали куски рыбы и думает про себя:

– Хэй, а куда же подевалась налимья колбаса, и в этот раз её тоже не было!

Тогда муж не выдержал, обратился к жене и спросил её:

–Что-то я в последнее время вообще не вижу ни одного кусочка налимьей колбасы, куда же ты её деваешь?

А хозяйка, недолго думая, тут же ответила ему:

– А я и в этот раз варила уху долго и на сильном огне, чтобы ты отдохнул получше. Вот поэтому-то налимья колбаса и разварилась на мелкие кусочки.

Ничего не смог возразить хозяин обратно, и они, доделав свои домашние дела, улеглись спать.

Долго ли, коротко ли так жили-поживали супруги Тырамы.

Вскоре совсем незаметно наступила весна. Кругом растаял снег, потекли весело журчащие и переливающиеся на ярком солнце серебряные ручейки, послышалось щебетание, свист и громкие крики вновь прилетевших птиц.

Вслед за этим на протоках и на самой Малой Оби что-то грозно заскрежетало, затрещало, и за некоторое время река полностью очистилась ото льда.

В один из таких погожих весенних дней Тырам ими собралась и отправилась в лес, чтобы надрать свежей бересты для изготовления новой посуды. Сам хозяин остался дома и, усевшись на низенькой табуреточке, принялся за починку сломанной соровой гимги.

Вдруг Тырам ики услышал чей-то храп. Ему стало не по себе:

– Как так, – удивился рыболов, – ведь дома-то никого нет, а чьё-то храпение так и раздаётся со стороны нар?

Он оставил свою работу, тихонько подошёл туда, откуда слышались эти звуки и не поверил своим глазам: на самом краешке женских нар стоял большой кожаный мешок, куда обычно укладывались всякие ненужные вещи, а в нём, согнувшись в три погибели, крепким сном спал незнакомый мужчина. Его лицо до того заплыло жиром, что из-за этого почти не было видно глаз.

– Да-а-а, – подумал про себя Тырам ики, – как же это я раньше-то не догадался, вот кого моя жена откармливала налимьей колбасой столь долгое время?!

Ничего не стал делать хозяин со своей странной находкой, он лишь немного призадумался над тем, как ловко супруга одурачила его, и снова принялся чинить гимгу.

Поздним вечером жена возвратилась из лесу с большой связкой бересты, а сам Тырам ики с серьёзным видом, будто ничего не произошло, всё ещё продолжал работать над своей рыболовной снастью.

Управившись со всеми своими делами, супруги скоро улеглись спать.

На следующий день Тырам ики велел жене собираться в дорогу и сказал:

– Сегодня будем переезжать в летнюю деревню, а то уже со дня на день начнётся вонзевая пора. Нам нужно поспеть к этому времени, чтобы наловить побольше хантыйской рыбы и заготовить из неё шумаха и рыбьего жиру на весь следующий год!

Сказано – сделано. Начали супруги собираться в дальнюю дорогу и

нагрузили полную деревянную лодку-саранхоп всяким хозяйственным скарбом, необходимой посудой и едой.

Схватил хозяин большой кожаный мешок и поставил его возле своего места около кормы.

Когда всё было перенесено и загружено, Тырам ими уселась на носу лодки за оба весла, а сам Тырам ики – на корму с рулевым веслом.

И тронулись супруги, и поехали в свою летнюю деревню.

Долго ли, коротко ли они плыли.

На самой середине реки рыболов, будто бы невзначай, задел мешок, и он свалился в воду.

Сидевший в нём незнакомый мужчина, почувствовав опасность, из последних сил прокричал:

– Хэй, не бросайте меня, вытащите из воды, я навек буду вашим батраком!

Но Тырам ики, не обращая никакого внимания на его крики, продолжал спокойно управлять лодкой и ехал вперёд.

И тут между супругами вспыхнула ссора, тогда рыболов сказал своей жене:

– Ты вспомни то, чем я обидел тебя в этой жизни? Если мы не можем дальше жить вместе, то отправляйся к своему любимцу!

Услышав такие слова от своего мужа, тут же присмирела Тырам ими и не знала, что сказать ему обратно в своё оправдание.

С тех самых пор супруги Тырамы зажили в любви и согласии.

Он, как и в прежние времена, добывал много крупных налимов. Сам разделявал рыбу, а жена варила уху и всегда кормила своего мужа свежей и вкусной налимьей колбасой.

До сегодняшнего времени старожилы-ханты, изготавливая блюдо из налима, лишь только добрым словом вспоминают супругов Тырамов, придумавших такую неприхотливую и сытную пищу.

Детство урта с Малой Оби

В стародавние времена, когда ещё на этой суровой северной земле не было людей, здесь проживали только злые менквы да добрые урты.

Один из таких уртов ростом с семь соболей жил со своей семьёй на таёжной стороне Малой Оби. Он имел двух жён: одна из них имела золотую косу, а другая – серебряную.

Долго ли, коротко ли они так жили-поживали.

Однажды златокосяя жена богатыря собралась и ушла в маленькую избушку.

Пожила она некоторое время в ней и родила урту сына.

После этого женщина вернулась обратно в дом и отдала ребёнка кормилице. Она покормила его, запеленала в мягкие заячьи шкурки и уложила спать в дневную берестяную люльку.

Только хотела служанка выйти на улицу по домашним делам, как вдруг малыш выпрыгнул из пелёнок, неуверенно прошёлся по половицам огромной сосновой избы да так пнул свою зыбку, что она рассыпалась на мелкие кусочки.

Тогда кормилица пожаловалась отцу на ребёнка и попросила урта:

– Я уже покормила и уложила его спать в берестяную люльку, а он взял да и сломал её. Ты, богатырь ростом с семь соболей, сходи в лес, найди подходящее дерево да лучше сделай своему сыну деревянную зыбку!

Сходил урт в лес, выбрал нужное ему дерево и смастерил из него крепкую деревянную люльку. Настолько она оказалась тяжёлой, что кормилица еле-еле занесла её в дом.

Затем она снова покормила ребёнка, запеленала его в мягкие заячьи шкурки и уложила спать в деревянную люльку.

Как и в прошлый раз, только хотела служанка отлучиться по домашним делам, как вдруг малыш опять выпрыгнул из пелёнок, уже уверенно прошёлся по половицам огромной сосновой избы да так пнул свою новую зыбку, что она разлетелась в щепки.

Делать нечего, в другой раз кормилица пожаловалась отцу на ребёнка и попросила урта:

– Я уже покормила и уложила его спать в крепкую деревянную люльку, а он опять взял да и сломал её. Ты, богатырь ростом с семь соболей, пойдя в кузницу да лучше выкуй для своего сына железную зыбку!

Пошёл урт в кузницу и выковал железную люльку. До того она была тяжёлой, что кормилица кое-как волоком затащила её в дом.

В третий раз она покормила ребёнка, запеленала в мягкие заячьи шкурки и уложила спать в железную люльку.

Но малыш тут же выпрыгнул из пелёнок, пробежался по половицам огромной сосновой избы да так пнул свою железную зыбку, что та отлетела к входной двери дома и с грохотом упала возле порога.

– Кай! – воскликнула служанка с огромным чувством досады, – что это за мальчик такой на белый свет появился?

На следующий день богатырь ростом с семь соболей вместе с семьёй собрался переезжать в летнее селение.

В это время он поссорился со своей златокосой женой и, упрекнув её в неверности, проговорил:

– Если это мой сын, то разве он смог бы сломать крепкую деревянную люльку, а железную зыбку так пнуть, что она отлетела к самой двери?

В ответ на эти слова златокосая жена урта рассердилась на мужа.

Поэтому перед самым отъездом вместе с ребёнком на руках она вошла в пустой дом, швырнула своего сына на нары и на прощанье сказала ему:

– Если в будущем твоей песне – твоей сказке суждено жить, то пусть на этом месте твои руки – твои ноги вырастут! А, если Туром не позволит тебе одному вот тут выжить, то так тому и быть!

С этими словами его златокосая мать вышла из дому и уехала.

Кто же его песню, кто же его сказку вдаль понесёт? По-видимому, как может, так и живёт-поживает мальчик в полном одиночестве.

Однажды дверь дома, в котором он жил, отворилась, и с улицы вошла его мать. В руках у неё было несколько верёвочек для плетения мужских кос.

Подняла она своего сына с нар и удивилась тому, как он подрос. Затем мать выкупала его, одела в чистые одежды, расчесала волосы и стала их заплетать. Целых семь кос сплела она ему и, собираясь уходить, сказала:

– Ты, семикосый мужчина, долгую и славную жизнь проживёшь! Запомни, сын урта, что в будущем начнётся хантыйский век. Твоё доброе имя – твой сильный голос ещё будут слышны как на верхнем, так и на нижнем течении нашей великой реки Оби!

Сказав эти слова, его златокосая мать вышла из дому и удалилась.

Со временем, когда эту суровую северную землю заселили ханты, начался человеческий век.

Сын урта вырос, стал добрым богатырём и защитником своего трудолюбивого мужественного народа, проживающего на всём протяжении реки Малой Оби.

Три брата и менкв

В давние времена в одной деревеньке, расположившейся на берегу Малой Оби, жили-были три брата.

Однажды по первому снегу они собрались на беличий промысел.

Долго ли, коротко ли добирались братья до своих охотничьих угодий,

к вечеру пришли в избушку.

Уставшие и голодные от тяжелого дневного перехода охотники решили разжечь огонь в чувале, разогреть свое жилье, сварить еды, поесть-попить и отдохнуть.

Старший из братьев нащепал лучины, настрогал красиво вьющихся сосновых стружек, аккуратно расставил сухие тальниковые дрова. И только собрался растопить чувал, как хватился, что позабыл дома огонь.

– Кай! – громко воскликнул он, – я же не взял с собой кремней для огня. Посмотрите-ка, братья, может быть, у кого-то из вас они найдутся?

Двое других охотников внимательно проверили все свои вещи, но и у них не оказалось заветных камешков.

Делать нечего, улеглись они спать голодными в холодной избушке.

На следующий день с самого раннего утра братья стали советоваться, как им белковать без огня, горячей еды и тепла. Долго они спорили между собой, долго судили-рядили, но ничего не смогли придумать.

Тогда самый младший из них обратился к старшему:

– Ты у нас старше всех, тебе и решать, как быть! Я знаю, что за нашей избушкой есть большое круглое озеро, а за ним находится дом, в котором проживает одинокий старый менкв. Ты, брат, сходи к нему и скажи, мол, мы втроем сюда белковать пришли, да забыли дома огонь. Может быть, он все-таки поможет нам в нашей беде.

Хотелось-не хотелось старшему брату, но пришлось идти.

Долго ли, коротко ли он искал дом менква, наконец вышел к нему. Постучавшись в тяжелые двери, сколоченные из лиственничных плах, и кое-как открыв их, охотник вошел внутрь. Увидев лесного великана, поздоровался с ним:

– Здравствуй, дядюшка! Я тут с младшими братьями белковать пришел, да вот беда: не взяли с собой огня, а без него, сам знаешь, какая охота? Будь так добр, выручи нас!

Огромный старый менкв, лежа на тесовых нарах, чуть приподнял седую голову и, слегка постанывая, ответил ему:

– Ну, что ты, внучек, огонь у меня имеется, и никуда он не денется. Вот если бы ты мне какую-нибудь быль или сказку рассказал, то за мной дело не стало бы. Огонь-то у меня, конечно, найдется!

Стоит старший брат у порога и так думает про себя:

– Что я ему смогу рассказать, где я эту быль или сказку для него возьму?

Постояв еще немного, охотник молча повернулся, вышел из дому и пошел обратно.

Вернувшись в охотничью избушку, он сказал братьям:

– Менкв просит, чтобы я рассказал ему быль или сказку. Откуда же мне знать их, а без этого он не даст нам огня.

Делать нечего, отправляют охотники к лесному великану среднего брата и говорят:

– Сходи-ка ты, может быть, тебе посчастливится и добудешь нам огонь!

Долго ли, коротко ли он ходил, вскоре вернулся и говорит:

– Менкв, на самом деле, хочет, чтобы ему рассказали быль или сказку. Где же я их возьму, а без этого он, конечно, не даст нам огня.

Думали-думали охотники и решили отправить к лесному великану самого младшего:

– Сходи-ка ты, брат, может, тебе повезет!

Младший из охотников тронулся в путь по следам своих братьев и довольно скоро увидел дом менква.

Подойдя к двери и громко постучавшись, он вошел и поздоровался с хозяином:

– Здравствуй, дядюшка! Ты, наверное, приболел, раз лежишь на одном месте?

– Как же, как же, внучек, верно говоришь. С давних пор меня разные болезни мучают, никакого покоя от них нет. Ты, конечно, по делу ко мне пришел?

– Без дела я бы не стал тебя зря беспокоить. Мы с братьями пришли в тайгу белковать, да вот огонь дома позабыли. Не смог ли бы ты нас выручить и дать кремни для огня!

– Огонь-то у меня, внучек, есть, и никуда он не денется. Вот если бы ты мне какую-нибудь быль или сказку рассказал, а огонь никуда не денется!

– Тогда слушай, дядюшка, расскажу тебе об одном случае, приключившемся со мной на охоте.

Добыл я как-то оленя-быка. Обрадовавшись своей удаче, подбежал поближе и был очень удивлен: он весь оказался из кожи да костей, только лишь голова с красивыми ветвистыми рогами вверху торчала, а шкура была сплошь усыпана насекомыми. Собирал-собирал я паутов и набрал их целый мешок. Собирал-собирал я мух и набрал их второй мешок. Ну куда же мне было девать такое несметное богатство?

Выслушав рассказ охотника, не удержался менкв да так громко захохотал, что бревенчатые стены его громадного дома затряслись и заходили ходуном. Он соскочил со своего

места, схватился обеими руками за живот и долго-долго смеялся.

Когда же лесной великан кое-как унял смех, то сказал:

– Да, внучек, здорово ты меня рассмешил. Давно я так не был весел и, честное слово, мне никогда ничего подобного не приходилось слышать. Поэтому ты заслужил полное право иметь огонь!

С этими словами менкв с довольным видом протянул охотнику заветные кремнёвые камешки.

Он спрятал их за пазуху малицы и снова обратился к лесному великану:

– Да ты бы, дядюшка, сходил со мной поохотиться на зайцев. Ещё утром, когда я сюда к тебе шёл, то около большого круглого озера видел множество заячьих стай. Вдвоём-то, конечно, сподручнее зверей добывать.

Менкв нехотя ответил:

– Поохотиться б не мешало, да только куда же потом я свою добычу девать буду? Ведь у меня всего и так хватает, живу-то я в достатке!

Но, подумав о том, что дома ему будет скучно, лесной великан всё же согласился сходить на охоту, и они двинулись в путь.

Когда охотники дошли до озера, то увидели, что возле берега весь снег утоптан заячьими следами, а сами звери прямо перед ними туда-сюда целыми стаями скачут. Стали они охотиться на зайцев и, набив их целые кучи, покидали в разных местах.

В разгаре охватившего его азарта менкв услышал, как охотник крикнул ему:

– Ты, дядюшка, нагнись ниже, там под наклонным деревом ещё целая стайка зайцев спряталась, надо их всех оттуда вытащить!

Стоило только лесному великану нагнуться и заглянуть под дерево, как его крепкая подбородочная кость острым шилом вошла в сердце, и он тут же свалился замертво.

А охотник, заметив менкву, испутившего дух, поспешил в свою избушку.

Вернувшись к себе, он позвал братьев, повёл их к дому лесного великана и велел им открыть все его лабазы.

В одни заплечные нарты охотники нагрузили рыболовные и охотничьи снаряжения, в другие – красные и чёрные меха, а в третьи – мясо диких зверей и животных.

С такими невиданными до сих пор богатствами братья отправились домой. Они совсем позабыли о том, что им нужно было белковать, что только совсем недавно сидели без огня, горячей еды и тёплого жилья.

Все три брата и до сегодняшнего дня живут-поживают, ни в чём никакой нужды не знают да старого менква добрыми словами вспоминают.

Юган ики и вор

Несколько веков назад на красивом высоком берегу извилистой таёжной речки Емьюган, рядом с островком низкорослого северного кедрача, стояла небольшая рубленая избушка.

Когда-то в ней проживал Юган ики, слывший в окрестностях Малой Оби одним из самых удачливых рыболовов.

Однажды зимой он смастерил на реке два запора и в каждом из них поставил по одной гимге.

Как только подходило время их осмотра, Юган ики всякий раз с трудом доставал из воды первую ловушку, наполовину набитую годовалыми щуками. После этого еле-еле вытаскивал на лёд и вторую гимгу, в которую попадались лишь одни крупные налимы.

Немало трудов и умения отдавал он любимому делу, поэтому всегда возвращался домой с хорошим уловом рыбы, едва помещавшимся в его небольших аккуратно выстроганных заплечных нарточках.

И дальше бы также спокойно жил-поживал известный по всей округе промысловик, но в одночасье юрким горностаем прокралась беда к его рыбацкой удаче.

Много ли, мало ли времени прошло, решил Юган ики снова проверить свои ловушки.

В этот раз что одну, что другую гимгу он доставал из воды с удивительной лёгкостью: в них не было ни одной рыбки.

– Кай! – восклицал рыболов и говорил вслух, – вот только недавно добывал столько щук да налимов, почему вдруг их совсем не стало?

Затем он долго и внимательно просматривал ловушки и проверял стенки запоров.

В конце концов, не обнаружив никаких поломок, рыболов устанавливал гимги на прежние места и возвращался домой.

Так прошло два дня, а на третий – Юган ики снова спешил на проверку своих ловушек.

Он, как и в прошлый раз, с лёгкостью вытаскивал из воды сначала первую гимгу, а следом – вторую: они опять были пустыми.

– Кай! – ещё громче, чем прежде, восклицал рыболов и говорил сам собой, – неужели на Емьюгане и Малой Оби рыба перевелась, люди же как-то добывают её и не видят такой нужды?!

С этими словами ему в голову пришла неожиданная мысль:

– А не стоит ли покараулить свои ловушки: может быть, какой-нибудь недобрый человек объявился в наших краях?

Думая только об этом, рыболов ставил гимги обратно, долго подыскивал на берегу подходящее место, откуда хорошо просматривались оба запора, и неторопливо шагал к своей избушке.

На следующий день с раннего утра и до позднего вечера Юган ики караулил свои ловушки, но никого возле них не заметил. Так прошёл и второй день. А на третий – густыми хлопьями повалил снег, продолжавшийся до самых сумерек.

С наступлением темноты снегопад прекратился и ударил лёгкий морозец. С его приходом из-за громоздких хмурых туч выплыла полная луна, озарившая своим светом

окрестности Емьюгана. Следом за ней на очистившемся от пасмурных облаков небосводе появились мерцающие звёзды, весело перемигивающиеся друг с другом.

И как-то совсем незаметно настала тихая зимняя ночь.

От долгого сидения на одном месте рыболов начал мёрзнуть и уже собирался идти домой, как вдруг в морозном воздухе отчётливо расслышал скрип свежесвыпавшего снега под торопливыми человеческими шагами.

Он ещё лучше притаился и стал внимательно наблюдать за незнакомым мужчиной, спускавшимся с противоположного пологого берега реки и волочившим вслед за собой пустые заплечные нарты.

При ярком лунном свете было хорошо видно, как пришелец подошёл к одному из его запоров и, усмехнувшись, сказал:

– Ей, какого батрака я имею, он всё время заботится о ловушках и хорошо работает на меня!

С этими словами незнакомец вытащил из воды первую гимгу и вывалил на снег трепещущих годовалых щук. Затем он достал вторую ловушку, внутри которой извивались крупные налимы.

– Я-а, как мне нынче везёт! – негромко произнёс вор, окинув жадным взглядом богатый улов рыбы.

После этого он устало разогнул спину, посмотрел на высокий берег Емьюгана, громко засмеялся и, обращаясь в безмолвное пространство, проговорил:

– Хэй, где ты, работничек? Пусть Ай Ас Туром ики пошлёт тебе ещё больше удачи в рыбной ловле, а я бы жил-поживал и горя не знал!

Хозяин ловушек, находясь за своим снежным укрытием и держа наготове охотничий лук, пристально следил за каждым его движением.

Лишь только хвастливый пришелец повернулся к нему лицом, рыболов выстрелил. Глубоко вошла стрела в воровскую грудь незнакомца, что, не успев опомниться, он свалился в ледяную прорубь, из которой сам только что вытащил гимгу.

Юган ики не спеша отложил в сторону оружие, подошёл к прорубленному во льду отверстию для ловушки, посмотрел на холодную тёмную воду Емьюгана, поглотившую недоброго человека, и спокойно произнёс:

– Ну вот, ты и нашёл то, что так долго искал!

С этими словами он установил гимги на их прежние места, собрал подмёрзшую рыбу в налимьи мешки и, сложив богатый улов на заплечные нарты, твёрдой поступью зашагал к своему дому.

По рассказам старожилков, несколько веков назад, действительно, произошёл этот случай.

На одном из притоков Малой Оби и поныне есть такое место, где в старину рыболов-ханты застрелил вора, долгое время обиравшего ловушки прибрежных жителей и обрекавшего их семьи на полуголодное существование.

И вплоть до сегодняшнего дня ханты ловят рыбу на Емьюгане, но с тех самых пор больше никогда не допускают в своей среде воровства.

Юноша-ханты и девушка-мишнэ

В небольшой деревеньке на берегу реки Оби жил-был один юноша-ханты.

Мать с отцом у него давно умерли, а он остался на попечении двоих старших братьев.

Съездит ли сирота на рыбалку – ни единой рыбки не привезёт. Сходит ли на охоту в лес – с пустыми руками домой возвращается.

Поэтому невзлюбили его снохи, начали собирать сплетни о нём и доносить их до своих мужей.

Как-то в один из дней, поздним вечером, уставшие братья возвратились домой после неудачной охоты.

Жёны встретили их, накормили-напоили и снова пожаловались на сироту:

– С этого времени мы кормить его больше не будем. Никакого толку от него нет: рыбу он не ловит, зверя никакого не добывает.

Мужья молча выслушали их и, не задумываясь о дальнейшей судьбе своего младшего брата, ответили:

– Ну что ж, если мало еды, если чаю не хватает, то можете его не кормить!

На следующий день с самого раннего утра сирота поехал на рыбалку – ничего не поймал. После полудня пошёл на охоту в лес – вечером опять вернулся с пустыми руками.

С этого дня снохи совсем перестали его кормить.

Так он прожил голодным два-три дня: а есть, ох, как хотелось.

– О, светлый день, – взмолился юноша, – мои родители умерли, куда же мне пойти, братья совсем позабыли про меня, а их жёны перестали даже кормить?!

В одно солнечное утро он вышел из дому, немного постоял возле крыльца, посмотрел на другую сторону сора и своим глазам не поверил: перед ним стояла новая рубленая из сосновых брёвен изба, и сверху она вся блестела.

– Схожу-ка я туда, что это за изба такая? – подумал сирота и пошёл.

Дойдя до крыльца неизвестного дома, он остановился, потоптался на одном месте, постоял на улице.

– Зайду-ка я внутрь, какие-то люди, наверное, здесь проживают?

С такими мыслями он вошёл в дом и встал у порога.

– Ох, хотя бы чаем меня напоили: как уж есть-то хочется!

В это самое мгновение из одной комнаты навстречу ему вышла молодая девушка.

То, о чём думал юноша, тут же вошло в её мысли, и она приветливо сказала:

– Что же ты у порога-то стоишь, проходи да присаживайся, гостем будешь!

– Ох, чаем бы она меня напоила: есть так хочется!

И вновь то, о чём он подумал, перешло в девичьи мысли.

Она поставила на стол перед ним разную еду, и он начал есть.

Как только сирота наелся-напился, девушка попросила:

– Ты бы сходил сейчас в лес на охоту!

Тут юноша глубоко призадумался и мысленно сказал:

– У меня даже завалящей охотничьей лопатки нет, ни лука, ни стрел я не имею. Чем же зверя пойду добывать? Да и зверя-то этого я никогда раньше добыть не мог, как же его сейчас добуду?

Тогда она снова обратилась к нему:

– Ну, иди же, иди на охоту, что сидишь на одном месте?

Услышав её просьбу второй раз, он молча вышел на улицу.

Немного постоял на крыльце и был очень удивлён, когда у правого края избы увидел прислонённое к стене всё снаряжение промысловика: аккуратно выстроганную охотничью лопатку, еловые лыжи с оленьим камусом, трёхслойный лук с тетивой из лосиных сухожилий, стрелы всевозможных видов на зверя и дичь, но больше всего ему приглянулся красиво сшитый мужской пояс с ножнами и длинным узким ножом в нём.

Подпоясался сирота, приготовился на охоту и отправился в лес.

Долго ли, коротко ли он охотился, к вечеру возвратился.

В этот раз сам себя не узнал: его широкий кожаный пояс в три ряда был обвешан соболями разных мастей.

Юноша снял с себя всё охотничье снаряжение, разделал свою добычу.

Вновь его накормили-напоили.

Проснулся на следующее утро: поел-попил.

Тогда девушка снова попросила его:

– Сходи-ка ты в купеческую лавку, купи три красных шёлковых платка и три красных шёлковых рубашки!

Сирота опять впал в задумчивость и мысленно проговорил:

– Я даже слыхом не слыхал, где находится та купеческая лавка. Как же я её найду?

Девушка прочитала его мысли и сказала:

– Ну, что сидишь, иди, иди и на своём пути наткнёшься на эту лавку.

Делать нечего, вышел он из дому.

Долго ли, коротко ли шёл, увидел большой красивый дом.

Зашёл в него и, поторговавшись с купцом, купил три красных шёлковых платка и три красных шёлковых рубашки.

С этими покупками юноша отправился обратно и отдал их хозяйке.

Она развернула платки и рубашки, осмотрела их и, оставшись довольной купленным товаром, пригласила его к столу:

– Ну, теперь присаживайся да пей чай!

В то время, пока он чаёвничал, с улицы в дом вошли три менква-мужчины и три менква-женщины.

Не на шутку перепугался юноша при виде огромных лесных великанов.

А они стоят и облизываются, вот-вот схватят и разорвут его на части.

Взмолился сирота про себя:

– О, светлый день, вот тут-то меня и съедят!

Тогда девушка встала около него и сказала менквам:

– Не трогайте вы его, пусть он спокойно чай пьёт!

С этими словами она развернула три красных шёлковых рубашки и одела их на трёх менквов-мужчин. Затем достала три красных шёлковых платка и накинула их на головы трёх менквов-женщин.

После того, как лесные великаны были одарены, хозяйка обратилась к ним:

– С этих самых пор и на будущее запомните: когда многие мужчины-ханты, когда многие женщины-ханты сидят на родной земле, человеческий род не иссякнет, и вы не посмеете их тронуть!

Все менквы мгновенно успокоились, тихо вышли из дому и удалились в лес.

Долго ли, коротко ли так жили-поживали юноша-ханты и девушка-мишнэ.

Вскоре они стали мужем и женой.

Он рыбу ловит, зверя добывает, она за домом следит, кормит-поит и обшивает его. Ни в чём они не нуждаются.

Однажды приехали к ним братья со снохами и были удивлены тому, как хорошо принял их когда-то отвергнутый ими младший брат.

Гости тут же были посажены за стол, ломившийся от обильной еды, одарены подарками и расположены на отдых.

И до сегодняшнего дня юноша-ханты и девушка-мишнэ живут в любви и согласии.

И если на их жизненном пути бросить иголку, то и она на виду у всех останется лежать.

ЭПИЛОГ

ДЕДОВСКИЙ ЗАВЕТ

– Я в памяти много событий держу, –
Говаривал дед мой, нас благословляя, –
Один такой случай сейчас расскажу,
И вам, моим внукам, его завещаю.

Свой пояс мужской я давно стал носить,
В те дни, когда царь Николай был на троне.
Мне выпало почту в Берёзов возить
В санях, схоронившись от стужи в попоне.

Вот как-то студёною снежной порой
С напарником в город вечерний добрались,
Коней распрягли и пошли на постой,
К ямщицкой избе вразнобой зашагали.

Серп месяца сверху наш путь освещал,
Вдали улыбаясь приветливо, добро...
Мой взгляд у тропы невзначай увидал
Какой-то темнеющий ком за сугробом.

Комок для забавы ногою поддел –
Тяжёлый кошель заскрипел под ногами, –
Его развязал: – Вот он, счастья удел!
Кошель под завязку набит был деньгами!

Не думал я сам, что мне так подфартит.
Деньжищи – ну, впору хозяйство поставить!
Да кто ж обронил их? А может, убит
Хозяин, который кошель здесь оставил?

Напарник, увидев находку мою,

Шепнул: – Враз поделим и станем богаты!
Я тайну твою ото всех утаю,
На деньги шальные – построим палаты!..

Я чуть не поддался советам таким,
Но вспомнил заветы покойного деда:
– Неправдой мы только себе навредим,
А с правдою нас ожидает победа.

Чуть позже, усевшись на нарах в ямской,
С напарником день обсуждали прошедший.
От печки струились тепло и покой.
Вдруг, стукнув замком, встал у двери вошедший.

Казалось, зайти у него нету сил.
Он взором потухшим обвёл всю ямскую
И голову скорбно на грудь уронил,
Заплакал. А после, в кручине, тоскуя,

Сидевшим в избе рассказал ямщикам,
Что деньги большие, и деньги чужие,
Увы, потерял и виновен в том сам...
Что вскорости ждут его казни лихие.

Я в госте знакомого быстро признал,
Который дела вёл в деревне Машпаны.
О нём говорили, что лихвы не брал,
Был честен с людьми, мех скупал без обмана.

Из сумки дорожной кошель я извлёк,
Знакомому строго промолвил: – Смотри же,
Впредь лучше б чужое богатство стерёг,
Но ведает Бог, я тебя не обижу!

Лишь деньги казённые он сосчитал,
Воскликнул: – Господь тебя да не покинет!
Обняв меня, братом хантыйским назвал,
И стали мы званые братья отныне.

Вам этот рассказ как в наследство даю.
Конечно, обучитесь разным наукам,
Но главную заповедь знайте мою –
Пусть правда живёт в сердце каждого внука.

В беде никогда не бросайте людей,
По жизни своею шагайте тропюю.
Впредь будьте честны – и тогда лиходеи
Не сможет грозить вам бедой никакою!

СЛОВАРЬ

Ай Ас ики (хант. «мужчина с Малой Оби») – прозвище мужчины.

Ай Ас Туром ики – Небесный Отец Малой Оби.

Айе (хант. «маленький или маленькая») – уменьшит.-ласкат. обращение к младшему (младшей) по возрасту, играет роль имени девушки.

Айнэ (хант. «маленькая женщина») – играет роль имени девушки.

Ас – река Обь.

Аснэ (хант. «женщина с Оби») – играет роль имени девушки.

Берестяная люлька – детская колыбель.

Важан – (хант. «вошты пун») хантыйская сетная ставная ловушка.

Ваши... упрямые головы будут взывать к самому Турому... – менквы имеют в виду, что расправятся с братьями, а их души будут проситься на небо к Небесному Отцу.

Внучек – в старину считалось, что менквы являются дядьями по отношению к народу ханты, и когда, соответственно, они обращались к людям, то называли их «внуками».

Вонзевая пора (хант. «ущ тылащ») – буквально «месяц прихода рыбы», время подъема рыбы на нерест.

Вошло в её мысли... – лесная девушка-мишнэ имеет способность читать чужие мысли.

Выбрал ... налима и начал его разделывать – у хантов только мужчина имеет право разделывать налима.

Выкуп (хант. «тын») – плата за невесту её родителям.

Гимга – ставное орудие рыбной ловли, плетённое из прутьев.

Глухариный зоб – в старину у хантов при разделке глухаря аккуратно отделяли зоб, очищали и промывали его, затем надували, и получался воздушный шарик, которым играли дети.

Годовалая щука – ханты говорят: «тунял сорт», т. е. «щука с прошлого года»; здесь имеется в виду не прошлогодняя щука, а именно годовалая.

Горноста́й – небольшой ловкий зверёк, принадлежащий семейству куньих; является одним из ценных объектов пушного промысла на Обском Севере.

Деревянная колотушка (хант. «хул роммалты юх») – аккуратно выстроганная берёзовая палка с утолщением на конце, служащая для глушения крупной рыбы.

Дядюшка – вежливое обращение человека к людоеду, к лесному великану-менкву и т. д., в народе считают, что прежде на земле появились они, а уже после них – люди.

Ей – возглас одобрения.

Емьюган (хант. «ем» – святость, «ёхан» – небольшая таёжная река) – Святая река.

Заплечные нарты – ручные нарты (сани) рыболова-охотника, которые тянут за верёвочную лямку, переброшенную через плечи человека.

Запор – частичное или сплошное заграждение, сооружённое из тальниковых палок, перевитых друг с другом и переложенных травой; в конце такого заграждения устанавливается гимга для ловли рыбы.

Золотая чаша лон верты ими – эта чаша была волшебная, и её владелица становилась искусной рукодельницей.

Йингк куль ики – водяной, по представлениям хантов, человекоподобное существо, имеющее на голове двусторонние острые рога, обладающее могучей силой и властью в подводном мире; он может останавливать суда, лодки, создавать шторм, следить за рыбными стаями.

Йисгорт – название селения, дословно с хант. «древняя деревня».

Кай – возглас удивления с оттенком досады.

Каменный мыс (хант. «Кев нёл») – название местности возле деревни.

Каюк – большая деревянная лодка.

Кладбищенский остров – (хант. «халащ пухар») кладбище (обские ханты для захоронения умерших выбирали отдельный остров со всех сторон омываемый водой и считали, что у покойников своя жизнь в нижнем мире и т. д.).

Когда охотники дошли до озера, то увидели... – младший из братьев одарён от природы гипнотической силой, и он представляет менкву многочисленные заячьи стаи.

Колдан – (хант. «хулты пун») хантыйское плавное сетное орудие рыбной ловли.

Колданить – ловить рыбу с помощью колдана.

Колданка – маленькая лодка рыболова-ханты, на которой добывали рыбу при помощи плавного сетевого орудия рыбной ловли колдана; кроме этого лодки-колданки использовались как транспортное средство передвижения по воде, как на ближних, так и на дальних расстояниях.

Колданные нити (хант. «хулты пун сохмат») – прослушивающиеся или сигнальные нити, при помощи которых рыболов определял наличие улова.

Колданный прут – специальный длинный прут, выстроганный из тальника и служащий для чистки колдана от речного мусора.

Конные нарты (хант. «лованг ухал») – у обских хантов с давних пор было развито коневодство и для езды на конях изготавливались специальные как грузовые, так и лёгкие выездные сани.

Кремни для огня (хант. «туткев» – «огонь-камень») – два кремнёвых камешка, при помощи которых высекали огонь.

Кутым ов (дословно с хант. «средние ворота с Большой Оби в Малую») – название деревни.

Лабаз (хант. «лопас») – небольшая избушка-кладовка.

Лампада с щучьим жиром – небольшой светильник с фитилём, горевший при помощи щучьего жира; применялся для внутреннего освещения избы.

Лодка-саранхоп – зырянская двухвёсельная деревянная лодка, служившая ещё до революции и в советское время для перевозки большого количества груза.

Лон верты ими – женщина, изготавливающая нитки из оленьих или лосиных сухожилий, является колдуньей и обладает невероятной физической силой, её избушка находится под кучей мусора в каждой деревне; название сказочного персонажа.

Лосиные камусы – шкура с лосиных ног.

Лыско (хант. «петля») – кличка собаки.

Маленькая избушка (хант. «ай хот») – специальный домик, рубленный из сосновых брёвен, где женщины рожали детей.

Маленькая лодочка (хант. «ай хоп») – впоследствии маленькая лодочка рыболова-ханты стала называться на русском языке «колданкой», так как на ней рыбачили «колданом».

Малица (хант. «молщанг») – закрытая мужская шуба, сшитая из оленьих шкур мехом внутрь, с пришитыми к ней рукавицами и капюшоном.

Машпаны (с хант. «селение на коряжистом берегу») – деревня на берегу реки Большая Обь; позднее она была перенесена в одну из протоков, соединяющих Большую и Малую Обь.

Машьягорт (с хант. «селение, закрытое со всех сторон») – название деревни.

Менгкат нёл (с хант. «Мыс менквов», т. е. «Мыс лесных великанов») – название деревни.

Менквы (хант. «менгк») – лесные великаны ростом от трёх до пяти метров, обладающие недюжинной силой, они часто вступали в противоборство с людьми, приносили им множество бед.

Место жертвоприношения – специальное священное место, где забивали жертвенных животных.

Мишнэ – лесная девушка-доброжелательница, посылающая людям удачу в рыбной ловле и на охоте.

Мишху (с хант. «лесной мужчина-доброжелатель, приносящий удачу на рыбной ловле и охоте») – имя мужчины.

Мом ики – людоед, название сказочного персонажа. По представлениям хантов, имеет: круглую голову с оттопыренными ушами и большим ртом с крепкими зубами, мощное телосложение, длинные крепкие руки, огромный выпуклый живот, короткие кривые, но в то же время сильные ноги (благодаря им он очень быстро бегает на коротких расстояниях, проживает недалеко от человеческого жилья в лесу). Мом ики всегда носит с собой кожаный пояс, к которому с правой стороны подвешен деревянный ковш для питья человеческой крови. Более доступными жертвами считает детей, молодых девушек, женщин, реже мужчин.

Имеет способность перевоплощаться, т. е. принимать человеческий облик. (Мом ики (от хант. «момиты») – умереть, с хант. «несущий смерть»).

Молодого жеребёнка в жертву своему умершему родственнику принесут – когда человек умирает, то в жертву его душе забивают коня или жеребёнка (если этот человек при жизни был конным).

Мужской пояс – когда юноша становится совершеннолетним, то он считается мужчиной и имеет право на ношение мужского пояса с ножнами и ножом в них.

Назовите нам цену своей сестры... – плата за сестру, как за невесту её родственникам (братьям).

Налимий мешок – в старину ханты шили мешки из налимьей кожи.

Налимье окошко – в старину у хантов не было стёкол, окошки в доме обтягивались до прозрачности выделанной кожей налима.

Нары (хант. «норы») – сплошная деревянная кровать на задней части избы.

Недобрый человек – вор (по мнению старожиллов народа, в старину ханты были очень дружны между собой: каждый род старался помогать друг другу, на первое место выступала честность и справедливость, а воровство, обман и т. д. считались отрицательными человеческими качествами северянина и не допускались в хантыйском обществе).

Нёлпас (хант. «нёл» – стрела, «пос» – метка) – метка от стрелы, является именем юноши.

Нельма – как и другие сиговые породы, нельма считается хантыйской рыбой и в то же время является одним из любимых лакомств Турома (Верховного Бога). По мифическим народным представлениям, в старину нельма имела обычную рыбью голову средних размеров, но так как эта рыба всегда выступала в роли свата между другими рыбами, то сам Верховный Бог Туром наградил её большой пастью и длинной узкой мордой, чтобы ей было легче уговаривать строптивых невест выходить замуж и создавать рыбные семейства.

Нож-щохар – узкий длинный охотничий нож, заточенный с одной стороны.

Нум Туром – Небесный Отец, Верховный Бог у хантов реки Большая и Малая Обь и их всевозможных небольших речек и притоков. Обские ханты считают, что Бог Туром имеет блестящую железную колесницу, запряжённую семёркой белых коней. Когда гремит гром, то они говорят: «Это сам Туром ездит на колеснице, осматривая свои земли и воды!» А, когда вместе с ударами грома начинают резко сверкать молнии, то скажут: «Это наш Небесный Отец сердится, что его кони медленно бегут, и Он хлещет их своим кнутом!»

Парпаль (хант. «пар» – слишком, «пал» – высокий) – слишком высокий; является именем юноши.

Пешня (хант. «порли») – железное орудие труда, состоящее из трёх-четырёх конусовидных граней, для выдалбливания лунок во льду; применяется во время зимней рыбной ловли.

Поминки по ушедшему – поминки по тому человеку, который «ушёл в другой, в нижний мир», то есть умер.

Порават (хант. «поры» – приношение, поклонение и «ават» – мыс, т. е. Мыс поклонения духу Священной лиственницы) – небольшое поселение.

Поры – бескровное жертвоприношение в виде блюда из сваренной рыбы или мяса и т. д.

Приношения – дань духам воды, земли и леса в виде медных, серебряных монет или кусочков материи (как дань уважения к родной природе и своей земле).

Рыбий жир – жидкий рыбий жир изготавливался из внутренностей и костей рыбы, а затем долгое время прожаривался на открытом огне.

Семь кос она сплела своему сыну – цифра семь означает божественное число, семь кос в старину имели только богатыри и защитники народа, они не были простыми людьми.

Слопцы – ловушка для куропаток, боровой дичи и т. д.

Соломат – национальная хантыйская каша.

Сор – заливной луг.

Соровая гимга – ставное орудие рыбной ловли, плетёное из прутьев, но выставляемое только в сорах.

Соровая земля – луговая земля.

Средний мир – ханты считают, что мир делится: верхний, где живут Боги; средний, где живут люди; нижний – царство мёртвых.

Стоило только нагнуться лесному великану...– менкву нельзя слишком низко наклоняться из-за того, что он имеет острую выпирающую подбородочную кость, которая при резком наклоне вниз может вонзиться в его же тело.

Таган – длинная берёзовая или черёмуховая палка, служащая для подвешивания котла или чайника над костром.

Тон-тон – по народному поверью, людоед, принявший человеческий облик, или просто людоед-оборотень, в данном случае «тон-тон» название сказочного персонажа.

Тон-тоны сидят в их душе! – так обские ханты говорят про людей-оборотней (двуличных людей или людей-приспособленцев, живущих за счёт чужого труда).

Труба чувала – дымовое отверстие открытой глинобитной печи.

Тырамы (от хант. «тырам») – очищенный налимым желудок, набитый печенью, прозвище супругов.

Урты – добрые богатыри, защитники народа ханты от внешних и внутренних врагов.

Хантыйский век – слово «ханты» в дословном переводе означает «человек», то есть начнётся человеческий век.

Хантыйская рыба – все виды сиговых пород рыбы (нельма, муксун, щёкур, пыжьян и сырок) обские ханты считают хантыйской рыбой.

Хинт (хант. «хинт») – берестяной кузов.

Хилы – внук, играет роль имени.

Хуван – продолговатая чаша, выдолбленная из дерева и служившая для хранения пищи.

Хынь ики – дух нижнего мира (дух смерти, болезней и зла).

Хэй – возглас удивления с оттенком вопроса.

Чувал (хант. «щохал») – открытая глинобитная печь.

Шаман – человек, одарённый от природы гипнотической силой, при помощи которой он лечит людей, обладает даром предвиденья.

Шумах (хант. «шумалты» – надрезать) – рыбе мясо, отделённое от костей, подвяленное на солнце и прожаренное в жидком рыбьем жире.

Щарс ики – Бог моря.

Щащи – бабушка по отцовской линии, играет роль имени.

Юган ики (хант. «житель таёжной реки») – прозвище мужчины.

Я-а – простой возглас удивления.

Устойчивые выражения

Вот мой огонь горит – я сказал правду, и если совру, то пусть огонь покарает меня.

В соболиные куклы – звериные куклы – раньше одежду для детских кукол шили из остатков соболиных и прочих звериных шкурок.

В три ряда свой охотничий пояс соболями обвешает – с богатой добычей с охоты возвращается.

День ночью сменился – ночь с днём поменялась – прошёл день, прошла ночь, и настал новый день.

Добыл я как-то оленя-быка – в переносном смысле означает, что нашёл дохлого оленя-быка.

Если на их жизненном пути бросить иголку... – их жизнь честна, чиста, справедлива.

Если в будущем твоей песне – твоей сказке суждено жить – если судьбой предназначено тебе дальше жить, то ты выживешь.

Живёт-может – не просто так живёт, а может сам себе добывать пропитание на жизнь с помощью рыболовства, охоты и т. д.

И если за луки и стрелы возьмётесь... – вступите в битву.

Когда лесные звери и животные на ноги свои резвые поднимутся... – осенью, когда звери и животные войдут в силу.

Концом своего лука и стрелы наконечником... ударить – удар концом лука и наконечником стрелы у обских хантов означает предвестие беды и просьба о помощи.

Концы наших луков и стрел удлини! – помоги и дай нам свежие силы в битве с врагом (девушка обладает

гипнотической силой и на расстоянии помогает братьям одолеть менквов).

Лишь день глаза открыл – только наступил день, явление природы «день» очеловечивается.

Лишь день один глаз открыл... – только стало рассветать.

Мою кровь – моё тело (хант. «ма вурэм-лантэм») – «мою родную кровиночку».

Наши Най-Урты вас будут хранить – хантыйские духи-покровители всегда будут вас охранять и предостерегать от разных бед.

Новую жену – злую жену... – по народному поверью, новая жена всегда является злой, хотя это не соответствует действительности.

О, светлый день! – обращение к добру, к свету, к солнцу (за этими красивыми словами женщина-оборотень маскирует своё обычное лицо).

Поедим-попьем – по народному поверью, мом ики (людоед), встретившись с человеком, всегда употребляет эти слова.

Пока талая рыба замораживается, а мороженая оттаивает... –определённый промежуток времени, за который старшая сестра промывала своим братьям раны, лечила и перевязывала их.

Сегодняшняя дорога светла, а завтрашняя – темна... – ты сегодня живая, а завтра – кто знает (предостережение синички).

Собирал-собирал я паутов... – в переносном смысле означает, что добыча оказалась ни на что не пригодной.

Сюда брошенную кость – сюда бросил... – беспорядочно раскидал.

Сюда прохаживаются – туда прохаживаются... – туда-сюда ходят.

Твоё доброе имя – твой сильный голос ещё будут слышны – слава о твоих добрых делах будет идти повсюду.

Туда брошенное мясо – туда бросил... – раскидал.

Умирили и воскресали, заболели и выздоравливали... – девушка при помощи гипноза усыпляла своих братьев и залечивала их раны.

Четырёхусых-пятиусых корявоголовых зятей позови, длинномордую-узкомордую сватью с собой возьми, двоюродных братьев и сестёр тоже пригласи – осетра и стерлядь позови, нельму с собой возьми; муксуна и щёкура, сырка и пыжьяна пригласи.

[The text on this page is extremely faint and illegible. It appears to be a series of paragraphs or a list of items, but the specific content cannot be discerned.]

* 373196-488327 *

110-00

199922017
Государственная библиотека Югры

ISBN 978-1-304-89811-1

90000

9 781304 898111